

Карл Густав
ЮНГ

Цивилизация
в переходное
время

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Карл Юнг

Цивилизация в переходное время

«Издательство АСТ»

1970

УДК 159.9
ББК 88.3

Юнг К. Г.

Цивилизация в переходное время / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ», 1970 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-133463-5

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог – один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии. Значительная часть настоящего тома посвящена рассмотрению истоков глобальных военных конфликтов, которые потрясли Европу в начале и в середине XX века. С точки зрения автора, подобные конфликты во многом обусловлены психологическим кризисом, сформировавшимся в коллективном бессознательном стран и народов. В этом контексте Юнг дает интереснейший анализ коллективного бессознательного Германии, явившейся инициатором двух мировых войн, и дает свой прогноз относительно того, как комплекс коллективной вины отразится в будущем на моральном климате всей Европы. В сборник также вошли статьи, посвященные самым разным проблемам нашего времени, в которых он размышляет о социальных и политических потрясениях, о снах и фантазиях, отражающих массовые устремления, о том, что такое совесть, добро и зло в аналитической психологии, о психических эпидемиях и даже об НЛО.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-133463-5

© Юнг К. Г., 1970

© Издательство АСТ, 1970

Содержание

Предисловие редактора	7
Дополнение	9
I. О бессознательном[5]	10
II. Душа и земля[40]	28
III. Архаический человек[65]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карл Густав Юнг

Цивилизация в переходное время

C. G. Jung

ZIVILISATION IM ÜBERGANG

© Walter Verlag AG, Olten, 1974

© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Анваер, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Предисловие редактора

В 1918 году К. Г. Юнг опубликовал статью «О бессознательном», с которой начинается настоящий том. В этой статье он убедительно обосновал свое мнение по поводу того, что военный конфликт в Европе, рассматриваемый почти исключительно с материалистической точки зрения, на самом деле является психологическим кризисом, который зародился в коллективном бессознательном индивидуумов, составляющих различные группы и нации. Впоследствии Юнг не раз обращался к обстоятельствам того времени в других работах; в частности, его немало интересовали отношения человека и социума.

Следующие восемь работ в настоящем томе – все написаны в промежутке между двумя мировыми войнами – продолжают тему, затронутую в первой статье, и раскрывают подробнее бессознательные предпосылки действий современного человека, а также подчеркивают важность самопознания, которое помогает сопротивляться давлению общества. Кроме того, обсуждаются конкретные вопросы – например, влияние социальных изменений на гендерные отношения и воздействие этнического фактора на развитие психологических теорий. Далее публикуются четыре работы из сборника «Очерки современных событий» (1946). В этих работах Юнг показывает, что сны и фантазии отдельных пациентов в состоянии отражать бессознательные массовые устремления ничуть не хуже, чем это делают социальные и политические потрясения, которые он называет психическими эпидемиями. Древний Вотан в статье, впервые опубликованной в 1936 году, предстает архетипической фигурой, символизирующей бессознательные движущие силы Германии, которые нашли свое выражение в национал-социалистическом движении.

Психодинамика, которую Юнг выводил из поведения индивидуумов и групп, была наиболее очевидна в Германии, однако в целом этот подход имел куда более широкое применение, как автор объясняет в двух крупных работах, написанных в поздние годы. В очерке «Настоящее и будущее» (1957) подвергаются пересмотру отношения между индивидуумом и массовым обществом, а в работе «Один современный миф» (1958) Юнг анализирует происхождение мифа, который видится ему компенсацией за сугубо научную ориентированность мышления в нашу технологическую эпоху. Поскольку кризис цивилизации, по мнению Юнга, проявляется в первую очередь в нравственности, рассуждения о добре и зле и психологической функции совести (статьи XVI и XVII в настоящем томе) составляют необходимое и немаловажное дополнение к рассматриваемой теме.

Рецензии на книги и короткие статьи (работы XIX–XXIV) – это яркие, эмоциональные ответы Юнга на замечания своего современника графа Германа фон Кайзерлинга¹ относительно вопросов национального восприятия, с опорой на собственные впечатления от посещения Соединенных Штатов Америки и Индии. Наконец в приложении публикуются выдержки из документов тех лет, когда Юнг был председателем Международного медицинского общества психотерапевтов и главным редактором журнала ММОП «Центральблатт фюр психотерапи». Деятельный характер Юнга и осознание долга перед обществом и перед своими коллегами побудили его занять эту должность, в которой он усматривал возможность бороться, в меру своих сил, с преследованиями психотерапии в нацистской Германии. К сожалению, его деятельность попала под перекрестный огонь тенденциозной и невежественной критики. Сегодня цели, к которым он неустанно стремился, впервые предъявляются ясно и четко – вместе с подтверждающими документами.

¹ Немецкий аристократ и философ, популяризатор свободомыслия. – *Примеч. пер.*

Благодарим госпожу Магду Кереньи² за согласие составить именной и тематический указатели для данного обширного тома, а также за приложенные ею усилия и тщание.

Редактор, декабрь 1973 г.

² Вторая жена известного венгерского мифолога и психоаналитика К. Кереньи, активистка аналитической психологии. —
Примеч. пер.

Дополнение

В отсутствие оригинальных рукописей – по-видимому, они были утеряны, если только К. Г. Юнг, что вполне возможно, не писал исходно на английском языке, – ряд работ в составе настоящего тома (XII, XXII, XXIII, XXIV и отдельные документы) пришлось переводить для публикации на немецкий язык. Согласно известной поговорке, переводчик сродни предателю: «Traduttore – traditore»³. Разумеется, при этом переводе местами было попросту не избежать догадок относительно смысла авторского текста. В нашем случае ситуация усугублялась тем обстоятельством, что социальную проблему, которую автор диагностировал с Первой мировой войны и для которой предлагал психотерапевтическое истолкование, в последующие десятилетия (в особенности же в последнее время) никак не удавалось преодолеть – наоборот, она неудержимо и непреодолимо распространялась повсеместно. Какой читатель сегодня способен нейтрально и непредвзято, без эмоций, грозящих потрясти основы душевного здоровья, воспринимать такие слова, как «негр», «еврей», «дикарь», такие понятия, как «раса» и «народ», «цвет кожи», «коллективное», «государство» или «общество»? Психологам давно известно, что неконтролируемые гипераллергические реакции суть признаки, по выражению самого К. Г. Юнга, «эмоциональных комплексов» (с них он начинал свои психиатрические исследования, изучая словесные ассоциации). Как известно, комплексы представляют собой прежде всего средоточия психической энергии в высокой степени концентрации. Отделенные от сознания, они ведут индивидуумов и целые общества к тем неврозам или психозам, которыми мы, очевидно, сегодня страдаем не меньше, чем страдали люди в ту пору, когда писались статьи, вошедшие в настоящий том. Не было смысла поэтому брезгливо кривиться от «плясок вокруг сильно заряженных чувств» или мучительно ломать голову над переводом с английского указанных «амбивалентных» отрывков в попытках подобрать более корректные, даже смягченные по значению немецкие слова: ведь в противном случае мы лишились бы понимания масштабов личности Юнга и не смогли бы ощутить себя его современниками, озабоченными общей бедой. Вдобавок всякий, кому хочется верно (или неверно) понять и оценить отношение Юнга к профессии и его темперамент психиатра, все равно пренебрежет любыми «мерами предосторожности» со стороны редактора. Непредубежденного читателя, который заинтересован в лучшем понимании основных интеллектуальных устремлений современности, их истоков и направления, отсылаю к письмам автора за соответствующие годы (переписка Юнга в трех томах, охватывающих период с 1906 по 1961 г., опубликована издательством Walter-Verlag в 1972–1973 годах).

Э. Рюф⁴

³ «Переводчик – предатель» (ит.). – Примеч. ред.

⁴ Швейцарский психоаналитик, одна из учениц Юнга, редактор многих томов из собраний сочинений автора. – Примеч. пер.

I. О бессознательном⁵

1 Для непосвященного слово «бессознательное» имеет оттенок чего-то метафизического и довольно загадочного. Эта особенность, присущая понятию бессознательного как такового, объясняется прежде всего тем, что указанный термин употребляется в обыденной речи как обозначение метафизической сущности. Эдуард фон Гартман⁶, например, назвал бессознательное «всеобщим первоначалом»⁷. Вдобавок это обозначение было подхвачено оккультизмом, ибо люди соответствующей склонности чрезвычайно любят заимствовать научные термины, придавая своим рассуждениям условно-научный облик. В противовес этому психологи-экспериментаторы, долгое время считавшие себя – не без оснований – представителями единственно верной и подлинно научной психологии, отвергали представление о бессознательном – по той причине, что все психическое есть сознательное и только сознание, собственно, заслуживает называться «психикой». Они признавали, что сознательные психические содержания наделены ясностью в различной степени, что некоторые из них «ярче» или «темнее» других, но вот существование бессознательных содержаний отрицалось как противоречие в терминах.

2 Этот взгляд во многом обуславливался тем обстоятельством, что исследования в лабораториях проводились над исключительно «нормальными» испытуемыми; также сказывался характер самих опытов, которые затрагивали, насколько это возможно, наиболее элементарные психические процессы, тогда как исследование более сложных психических функций, по самой своей природе не поддающихся экспериментальным процедурам и точным измерениям, практически отсутствовало. Впрочем, важнейшим фактором, далеко превосходящим обе указанные причины по значимости, была разобщенность психологов, поскольку экспериментальная психология оставалась обособленной от психопатологии. Во Франции еще со времен Рибо⁸ психологи внимательно отслеживали аномальные психические явления; один из виднейших местных психологов, Бине⁹, даже предполагал, что патологическая психика частично преувеличивает отклонения от нормы, трудные для понимания, и, как бы выпячивая, делает их более явными и понятными. Другой французский психолог, Пьер Жане¹⁰, работавший в клинике Сальпетриер, изучал, с большим интересом и с немалым успехом, развитие психопатологических процессов. Тут нужно отметить, что именно ненормальные психические процессы наиболее ярко и убедительно доказывают существование бессознательного. Потому-то медики, в первую очередь специалисты в области психических болезней, всемерно и стойко поддерживали гипотезу о наличии бессознательного. При этом, пусть во Франции общая психология значительно обогатилась благодаря достижениям психопатологии и усвоила постепенно представление о «бессознательных» процессах, в Германии уже общая психология обогатила пси-

⁵ Первая публикация: *Schweizerland: Monatshefte fuer Schweizer Art und Arbeit* (Zurich), IV (1918), no. 9 und 11–12. – *Примеч. ред.*

⁶ Немецкий философ, один из основоположников представления о важности бессознательного в человеческой жизни. – *Примеч. пер.*

⁷ Подробнее см.: Элленбергер Г. *Философия природы и романтическая философия // Открытие бессознательного: История и эволюция динамической психиатрии*. М.: Академический проект, 2018. Т. 1. От первобытных времен до психологического анализа. – *Примеч. ред.*

⁸ Французский психолог и педагог, стремился превратить психологию в точную науку, основатель Парижского общества физиологической психологии, организатор I Международного психологического конгресса (1889); по словам швейцарского психиатра Ж. Пиаже, «от Рибо во французских психологических школах начинается традиция широкого применения патологий и болезненных состояний в качестве экспериментального материала». – *Примеч. пер.*

⁹ Французский психолог, основатель первой лаборатории экспериментальной психологии во Франции, автор работы «Опыты по экспериментальной психологии». – *Примеч. пер.*

¹⁰ Французский психиатр, создатель общей теории неврозов, считал, что в человеческой психике имеются как «низшие» (рудименты примитивного, инстинктивного сознания), так и высшие элементы (собственно сознание современного человека, прежде всего индивидуальное). – *Примеч. пер.*

хопатологию, снабдив последнюю рядом ценных экспериментальных методов, – но не переняла от психопатологии интерес к патологическим явлениям. Это соображение помогает уяснить, почему психопатологические исследования развивались в немецкой науке иначе, чем во Франции. В Германии психопатология превратилась – если не учитывать любознательность академических кругов – в заботу практикующего врача, который в силу своей профессии был попросту вынужден разбираться со сложными психическими явлениями в заболеваниях пациентов. Так возникла целая совокупность теоретических взглядов и практических приемов, ныне известная как «психоанализ». Понятие бессознательного получило широкое применение в психоаналитическом движении, сделалось куда популярнее, чем во французской научной школе, которую больше привлекали различные формы проявления бессознательных процессов, а не их причины или специфическое содержание. Пятнадцать лет назад я сам, независимо от фрейдистской школы и на основе собственных экспериментальных исследований, убедился в существовании и значимости бессознательных психических процессов, указал на способы, какими эти процессы могут быть предъявлены и изучены¹¹. Позже, в сотрудничестве с рядом своих учеников, я обосновал значение бессознательных процессов у душевнобольных.

3 В результате такого – поначалу сугубо медицинского – развития понятие бессознательного приобрело окраску, как бы заимствованную у естественных наук. В школе Фрейда это понятие осталось чисто медицинским. Согласно взглядам этой школы, человек, будучи существом культурным, не в состоянии осуществить немалое число своих инстинктивных побуждений и желаний по той простой причине, что они несовместимы с законом и моралью. Следовательно, он, желая приспособиться к обществу, в котором живет, вынужден подавлять подобные желания. Предположение о том, что у человека имеются таковые желания, выглядит вполне правдоподобным, и каждый может убедиться в его истинности в любое время, если согласится проявить хоть немного честности. Но признание данного факта сводится, как правило, лишь к общему утверждению о наличии неких социально неодобряемых, недопустимых желаний. Зато из опыта известно, что восприятие принципиально меняется, когда речь заходит об индивидуальных случаях. Здесь, и это крайне примечательно, доказывают, что очень часто в результате подавления недопустимых желаний тонкая стенка между желанием и осознанием желания разрушается, а потому желание становится бессознательным. Оно забывается, его место занимает какое-то более или менее рациональное оправдание, если вообще возникает побуждение искать какую-либо мотивацию. Процесс, при котором недопустимое желание оказывается бессознательным, принято называть вытеснением, в отличие от собственно подавления, которое предполагает, что желание остается осознанным и осознанно отвергается. Несмотря на вытеснение и забвение, неприемлемое содержание – будь то собственно желания или болезненные воспоминания – продолжает существовать, а его невоспринимаемое наличие воздействует на сознательные психические процессы. Это воздействие принимает облик специфических нарушений сознательных, или нормальных, функций; мы называем такие нарушения нервными или психогенными нарушениями. Показательно, к слову, что данные нарушения затрагивают не только психику, что их результатами выступают и физиологические, соматические расстройства. В последнем случае, как подчеркивает Жане, расстраиваются отнюдь не основополагающие элементы функций, а лишь произвольные применения функций в различных совокупных условиях. Например, основной элемент функции питания – это акт глотания. Если бы пациент задыхался всякий раз при приеме твердой или жидкой пищи, перед нами было бы анатомическое или органическое расстройство. А вот если бы удушье являлось реакцией на определенную еду или конкретный прием пищи (либо случалось в присутствии определенных лиц или только при определенном настроении едока), то это было бы уже нервное, психогенное

¹¹ Здесь автор отсылает к своим ранним работам, которые впоследствии составили том 1 собрания сочинений К. Г. Юнга. – *Примеч. ред.*

расстройство. Значит, психогенное расстройство воздействует на акт приема пищи лишь при определенных психологических, а не физических условиях.

4 Такие нарушения физиологических функций особенно часты при истерии. В другой, не менее многочисленной группе болезней – французские врачи говорят о психастении, – их место занимают сугубо психические расстройства. Последние способны принимать самые разнообразные формы, от навязчивых идей, состояний тревожности и угнетенности до перепадов настроения, фантазий наяву, патологических аффектов и т. д. В основе всех этих нарушений обнаруживаются вытесненные психические содержания, то есть те, которые стали бессознательными. Из указанных чисто эмпирических данных постепенно складывается представление о бессознательном как сумме всех неприемлемых и вытесненных желаний, включая болезненные и подавляемые воспоминания.

5 Далее, не составляет труда показать, что основную часть этих неприемлемых содержаний составляют те, что имеют отношение к феномену сексуальности. Половое влечение есть основополагающий инстинкт, который, как всем известно, наиболее плотно окутан пеленой умолчания – в силу чувства деликатности. В форме любви это влечение становится причиной самых бурных аффектов, самых необузданных желаний, самого глубокого отчаяния, самой сокровенной тоски – вообще всех самых болезненных переживаний. Сексуальность представляет собой важную физическую, наряду с широко разветвленной психической, функцию, от которой зависит все будущее человечества. Следовательно, она не уступает в значимости функции питания, пусть и принадлежит к влечениям иного рода. Но почему тогда пищевая функция, от поедания простого куска хлеба до роскошного пира, предъясняется и зримо предстает во всем своем многообразии (в худшем случае ее удовлетворение сдерживают ради преодоления кишечных колик или вследствие общей нехватки продовольствия), между тем как сексуальность подпадает под моральное табу и должна подчиняться изрядному количеству правовых норм и ограничений? В отличие от функции питания, она не считается достоянием свободного волеизъявления индивидуума. Понятно, что вокруг этого вопроса сосредоточивается немало насущных интересов и сильных эмоций, ибо аффекты, как правило, обнаруживаются именно там, где приспособление к обществу завершилось в наименьшей степени. Более того, сексуальность, как я уже сказал, есть основной инстинкт каждого человеческого существа, чего оказалось вполне достаточно для популярной теории Фрейда, которая все на свете сводит к сексуальности и очерчивает бессознательное как своего рода чулан, где спрятаны все вытесненные и недопустимые детские желания, наряду с более поздними неприемлемыми сексуальными побуждениями. Сколь бы безвкусной ни была эта позиция, мы должны отдать ей должное, если хотим раскрыть все, что Фрейду удалось утрамбовать в понятие сексуальности. Правда, мы быстро понимаем, что Фрейд расширил границы этого понятия далеко за дозволенные пределы, и лучшим обозначением для общей картины, каковую он на самом деле имеет в виду, будет «Эрос» – в старом, философском смысле «Пан-Эроса»¹², который пронизывает всю природу в качестве творческого, созидającego начала. «Сексуальность» же – самое неудачное выражение, какое можно было придумать. Так или иначе, понятие сексуальности сделалось общепринятым, оно приобрело, по-видимому, столь размытые границы, что даже слово «любовь» не всегда удобно использовать как синоним. Однако Фрейд, как можно легко показать на многочисленных отрывках из его трудов, нередко подразумевает «любовь», когда рассуждает о сексуальности.

6 Фрейдистское движение в целом твердо придерживается этой сексуальной теории. Несомненно, не найти сегодня такого непредубежденного мыслителя или исследователя, который не признавал бы исключительной важности сексуальных (или эротических) пережива-

¹² Имеется в виду «всеобщий эрос» как побудительный мотив человеческих поступков у древнегреческих философов. – *Примеч. пер.*

ний и конфликтов. Но попросту невозможно доказать, будто сексуальность является основополагающим инстинктом и деятельным принципом человеческой психики. Напротив, любой непредубежденный ученый признает, что психика представляет собой чрезвычайно сложную структуру. Хотя допустимо рассматривать ее с биологической точки зрения и пытаться объяснить посредством биологических факторов, она ставит перед нами множество иных загадок, для разрешения которых необходимы условия, каковым ни одна наука по отдельности, в том числе биология, не в состоянии соответствовать. Каких бы инстинктов, влечений или побуждений у человека ни находили или ни предполагали найти биологи, сейчас и в будущем, никак нельзя признать столь ограниченный инстинкт как сексуальность в качестве основополагающего объяснения психики. Биология (и наука в целом) миновала стадию увлечения некими единичными проявленными силами – тут сразу вспоминаются старые ученые с их увлеченностью флогистоном и электричеством¹³. Мы научились использовать скромную абстракцию, так называемую энергию, в которой выражаем объяснительный принцип любых количественных изменений.

7 Я убежден, что истинно научная установка в психологии должна в итоге привести к выводу, гласящему, что динамические процессы человеческой психики невозможно свести к той или иной конкретной инстанции, не то мы вновь окажемся на стадии всеобщей одержимости флогистоном. Мы должны признать влечения неотъемлемыми составными частями психики, а затем абстрагировать наш принцип объяснения, выводимый из их взаимосвязи. Поэтому, мне кажется, разумнее выдвигать некую гипотетическую величину, или «энергию», в качестве психологического объяснительного принципа; эту энергию мы называем «либидо» в классическом смысле слова¹⁴, не питая никаких предубеждений относительно ее субстанциальности. С помощью упомянутой величины психодинамические процессы возможно объяснять однозначно и бесспорно, без того неизбежного искажения, каковое обязательно влечет за собой любое конкретное основание объяснения. Иначе, согласно школе Фрейда, которая утверждает, что религиозные чувства или какие-то другие чувства, относящиеся к духовной области, суть «не что иное, как» недопустимые сексуальные желания, вытесненные и впоследствии «сублимированные», мы словно предлагаем физическое объяснение: мол, электричество есть «не что иное, как» поток воды, кем-то купленный и закачанный в турбину. Получается, что электричество – это не что иное, как «культурно деформированный» поток воды; такой довод способен отстаивать, быть может, Общество охраны дикой природы, но он вряд ли приемлем для научного рассуждения. В психологии подобное объяснение уместно только в том случае, если бы удалось доказать, что динамическая основа нашего бытия опирается на сексуальность (в физике это равнозначно утверждению, что только падающая с высоты вода способна производить электричество; в этом случае было бы справедливо заявить, что электричество есть не что иное, как водопад, «передаваемый» по проводам).

8 Итак, если мы отвергаем исключительно сексуальную теорию бессознательного и замечаем ее «энергетическим» воззрением на психику, то нам следует указать, что бессознательное содержит в себе все психическое, не достигшее порога сознания, все то, чему недостает энергетического заряда для поддержания осознанности, или то, чему предстоит быть осознанным в будущем. Тогда мы можем вообразить внутреннее устройство бессознательного. Мы уже выяснили, что там находятся вытесненные содержания, а к ним нужно прибавить все то, что было забыто. Когда что-то забывается, это не означает полного исчезновения; нет, это про-

¹³ Флогистон – гипотетическая «сверхтонкая материя», «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении; теория флогистона была опровергнута опытами и разъяснениями А. Лавуазье. Что касается электричества, в работах Б. Франклина и современных ему ученых электричество трактовалось как «нематериальная жидкость», или флюид. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Либидо в широком понимании – общая психическая энергия жизни (или «воля к жизни», по А. Шопенгауэру). – *Примеч. пер.*

сто означает, что воспоминание сделалось подсознательным: его энергетический заряд ослабел настолько, что оно больше не может проявляться в сознании; но, выпадая из сознания, оно вовсе не потеряно для бессознательного. Мне наверняка возразят, что мое рассуждение – не более чем *façon de parler*¹⁵, поэтому поясню свои слова гипотетическим примером. Предположим, есть два человека, один из которых никогда не читал ни одной книги, зато другой прочел целую тысячу. Из памяти обоих мы стираем всякую память о десяти минувших годах, когда первый просто жил, а второй читал свою тысячу книг. Каждый теперь знает столь же мало, как и другой, но все же не составит труда установить, кто из них читал книги и (заметим особо) понял прочитанное. Опыт чтения, пускай давно забытый, оставляет след, по которому легко отыскать предшествующие переживания. Это продолжительное косвенное воздействие объясняется закреплением впечатлений, которые сохраняются в психике даже тогда, когда они уже утратили способность достигать сознания.

9 Помимо того, что забывается, к области бессознательного принадлежат и подсознательные восприятия. Это могут быть чувственные восприятия, возникающие ниже порога сознательного слуха или в периферическом поле зрения, или же апперцепции, под которыми понимается восприятие как эндопсихических, так и внешних процессов.

10 Весь этот материал составляет личное бессознательное индивидуума. Мы называем эту совокупность содержаний личной, поскольку она целиком и полностью состоит из приобретений личного свойства. Следовательно, когда что-либо попадает в бессознательное, оно подхватывается сетью ассоциаций, образованных этим бессознательным материалом. Тогда могут возникать ассоциативные связи высокой степени насыщенности; они перетекают (или поднимаются) в сознание в виде вдохновения, интуиции, «счастливых озарений» и тому подобного.

11 Однако концепция личного бессознательного не позволяет полностью постичь природу бессознательной психики. Будь бессознательное сугубо личным, теоретически возможно было бы проследить все фантазии сумасшедшего до индивидуальных переживаний и впечатлений. Несомненно, большую часть фантазийного материала удастся при анализе свести к личной истории, но встречаются и такие фантазии, корни которых в предыдущей истории индивидуума искать тщетно. Что это за фантазии? Если коротко, это мифологические фантазии. Это элементы, которые не соответствуют никаким событиям или переживаниям личной жизни, – такие, которые восходят к мифам.

12 Откуда берутся эти мифологические фантазии, если не из личного бессознательного, если они, следовательно, не обусловлены опытом личной жизни? Не подлежит сомнению, что они порождаются мозгом – именно мозгом, а не личными следами-воспоминаниями; они суть плоды наследуемой мозговой структуры. Такие фантазии всегда носят крайне оригинальный и «творческий» характер. Они подобны новым творениям; очевидно, они проистекают из творческой деятельности мозга, их нельзя сводить к обыденной мнемонической деятельности. Вместе с нашим телом мы получаем при рождении высокодифференцированный мозг, который содержит в себе всю собственную историю; обращаясь к творчеству, он творит, опираясь на нее, то есть на историю человечества. Под «историей» обычно подразумевается та история, которая «пишется людьми»; ее мы называем «объективной историей». Подлинно творческая фантазийная деятельность мозга не имеет ничего общего с такого рода историей, она неразрывно связана с той вековой естественной историей, которая с древнейших времен передавалась в живом виде – речь об истории мозговой структуры. Эта структура рассказывает собственную историю, или историю человечества, излагает бесконечный миф о смерти и рождении, со множеством фигур, вплетенных в эту тайну и из нее исходящих.

13 Это бессознательное, скрытое в мозговой структуре и обнаруживающее свое живое присутствие только при посредстве творческой фантазии, представляет собой надличностное

¹⁵ Фигура речи (*фр.*). – Примеч. ред.

бессознательное. Оно оживает в творческом человеке, раскрывается в видении художника, во вдохновении мыслителя, во внутреннем переживании мистика. Надличностное бессознательное, распределенное по всей мозговой структуре, подобно всепроникающему, вездесущему и всеведущему духу. Оно знает человека таким, каким тот был всегда, а не таким, каков он есть в данный момент; для него человек – это миф. По этой же причине связь с надличностным, или коллективным, бессознательным означает для человека выход за пределы себя; это смерть для личности и возрождение в новом измерении, в полном соответствии с содержанием ряда древних мистерий. Безусловно верно, что без принесения в жертву человека как он есть невозможно прийти к тому человеку, который всегда был и всегда будет. Именно художник способен лучше прочих поведать о жертве сиюминутного, персонального, так сказать, человека (если кто-то не готов удовольствоваться евангельским посланием).

14 Ни в коем случае не следует думать, будто существуют так называемые унаследованные идеи. Об этом не может быть и речи. Зато существуют врожденные возможности идей, априорные условия для производства фантазии, в чем-то сходные с кантовскими категориями. Хотя эти врожденные условия сами по себе не производят никаких содержаний, они придают определенную форму уже приобретенным содержаниям. Являясь частью унаследованной мозговой структуры, они выступают причиной тождества символов и мифологических мотивов во всех уголках земли. Коллективное бессознательное образует этаким темный фон, на котором резко выступает адаптивная функция сознания. Велик соблазн заявить, будто все значимое в психике вбирается этой адаптивной функцией, тогда как все бесполезное превращается в тот зачаточный фон, от которого, к ужасу первобытного человека, отделяются грозные тени и ночные призраки, требуя жертвоприношений и ритуалов, нелепых и тщетных с точки зрения нашего биологически ориентированного ума. Мы смеемся над первобытными суевериями, гордимся своим превосходством над дикарями, но совершенно забываем о том, что на нас самих, как и на первобытных людей, столь же сверхъестественным образом воздействует этот фон, над которым мы привыкли насмехаться – дескать, подобным страхам место в музее глупостей. Просто первобытный человек привержен другой теории мироустройства – он верит в колдовство и духов. Я нахожу эту теорию очень любопытной и разумной – пожалуй, более разумной, нежели академические взгляды современной науки. Высокообразованный современный человек пытается выяснить, какая диета лучше всего подходит для борьбы с кишечными коликами, вызванными нервным расстройством, и какие диетические ошибки способны спровоцировать новый приступ, а человек первобытный совершенно правильно ищет всему психологические причины и психически действенные способы лечения. Процессы в бессознательном влияют на нас ничуть не меньше, чем на первобытных людей; мы одержимы демонами в той же степени, что и они, наша психика столь же подвержена опасности поражения каким-либо враждебным умыслом, и мы по-прежнему становимся добычей злых духов умерших или жертвами чар, наведенных каким-то злобным существом. Все отличие в том, что мы называем эти явления разными именами, и это единственное преимущество, которое у нас есть перед первобытным человеком. Да, вроде бы мелочь, но она имеет большое значение. Человечество от века воспринимало появление для чего-либо нового имени как избавление от кошмара.

15 Этот таинственный фон, с незапамятных времен населявший ночные тени первобытного леса как будто одними и теми же, но постоянно меняющимися фигурами, выглядит искаженным отражением дневной жизни, воспроизводимым в снах и наваждениях ночи. Они смутно толпятся вокруг – призраки, духи умерших, мимолетные образы воспоминаний, составшие из темницы прошлого, откуда не возвращается ни одно живое существо, чувства, оставленные былым пронзительным опытом и воплотившиеся ныне в призрачной форме... Все это кажется нам лишь горьким послевкусием осушенного бокала дня, нежеланным осадком, бесполезным следом пережитого. Но если присмотреться внимательнее, мы обнаружим, что этот явно враждебный людям фон посылает в мир могущественных вестников, которые

чрезвычайно сильно влияют на поведение первобытных людей. Порой эти силы принимают магическую, порой – религиозную окраску, а порой эти две формы кажутся неразрывно слитыми воедино. Обе они суть важнейшие признаки первобытной духовности, важнее которой только борьба за существование. В них автономно проявляется духовный элемент первобытной психики, в которой реакции еще сугубо животные; он проявляется в спроецированной, чувственной форме, и мы, нынешние европейцы, иногда дивимся тому, сколь велико влияние духовного опыта на первобытного человека. Для него чувственная непосредственность предмета связана также с духовными явлениями. Мысль *приходит* ему, он ее не мыслит; она предстает перед ним в виде спроецированного чувственного восприятия, почти как галлюцинация или, по крайней мере, как невообразимо яркий сон. По этой причине мысль у первобытного человека может настолько наложиться на чувственную реальность, что любого современного европейца, ведя он себя похожим образом, мы сочли бы умалишенным.

16 Эти особенности первобытной психологии, которые я здесь обозначаю лишь вскользь, имеют немалое значение для понимания коллективного бессознательного. Подтверждение сказанному найти нетрудно. Будучи людьми культурными, мы насчитываем для Западной Европы историю протяженностью, быть может, две с половиной тысячи лет. Ей предшествует доисторический период значительно большей продолжительности, и в течение этого периода человек достиг культурного уровня, скажем, индейцев сиу. Еще раньше были сотни тысяч лет неолитической культуры, а до них – невообразимо длинный промежуток времени, в ходе которого человек эволюционировал из животного. Всего пятьдесят поколений назад многие в Европе были ничуть не лучше первобытных людей. Слой культурности, этот приятный налет, должен быть поэтому чрезвычайно тонким в сравнении с хорошо развитыми слоями первобытной психики. Именно последние слои и образуют коллективное бессознательное – вместе с остатками животных начал, что теряются в туманной бездне времени.

17 Христианство разделило германского варвара на высшую и низшую половины, позволило ему, подавив темную сторону, приручить более светлую половину и приспособить ее к восприятию культуры. Но низшая, более темная половина все еще ждет искупления и новой попытки приручения. А до тех пор она будет опираться на пережитки доисторической эпохи, на коллективное бессознательное, которое тяготеет к специфическим, все более частым проявлениям. По мере того, как христианское мировоззрение теряет свое значение, все громче и суровее звучит клич «белокурой бестии» (*blonde Bestie*)¹⁶ из подземной темницы; эта бестия готова в любой миг вырваться наружу – с разрушительными последствиями для мира. Когда она получает свободу в индивидууме, это чревато психологической революцией, а также может приводить к социальным потрясениям.

18 На мой взгляд, для евреев этой проблемы¹⁷ не существует. У них за спиной культура древнего мира; сверх того, они переняли культуру народов, среди которых обитают. У всякого еврея две культуры, как бы парадоксально это ни звучало. Он одомашнен в большей степени, чем мы, но во многом лишен того качества, которое укореняет в земле и позволяет черпать новые силы в почве. Зато этим хтоническим качеством в опасном избытке наделены германские народы. Вполне естественно, что арии-европейцы уже очень давно не замечают никаких признаков этой опасности, но, может быть, они все-таки отчасти прозреют благодаря недавней войне¹⁸ (а может, и нет). Еврею, повторюсь, недостает укорененности – где, в конце концов, у него отчий дом? Тайна почвы – не шутка и не парадокс. Достаточно указать, что в Америке раз-

¹⁶ Это выражение, прежде употреблявшееся в зоологии как характеристика львов, перенес в философию и общественные науки Ф. Ницше, который в работе «К генеалогии морали» (1887) рассуждал о присутствии в обществе «хищного зверя, роскошной, похотливо блуждающей в поисках добычи и победы белокурой бестии...» (перевод К. Свасьяна). – *Примеч. пер.*

¹⁷ То есть конфликта «дикаря» и культуры. – *Примеч. пер.*

¹⁸ Имеется в виду Первая мировая война. – *Примеч. пер.*

меры черепа и таза у представителей всех европейских рас начинают приближаться к индейским уже во втором поколении иммигрантов. В этом, кстати, загадка американской почвы.

19 Почва каждой страны хранит подобную тайну, а человеческая психика бессознательно отражает такое свойство: наряду с взаимосвязью духа и тела имеется взаимосвязь тела и почвы. Надеюсь, читатель простит мне образную манеру изложения и попытается понять, что я имею в виду. Это чувство непросто передать словами. На свете довольно много тех людей, кто живет как бы вовне своих тел, кто парит, словно бестелесный призрак, над своей почвой и своей земной ипостасью, которая заключена в теле. Другие же обитают полностью в телесной ипостаси. Как правило, еврей поддерживает дружеские отношения с почвой, но не ощущает хтоническую силу. Его восприимчивость к ней, как кажется, ослабевает со временем. Этим можно объяснить особую потребность еврея сводить все к материальным началам; последние ему требуются, чтобы уравновесить опасное господство сразу двух культур в одном человеке. Немного примитивности отнюдь не помешает; напротив, я очень хорошо понимаю, что сведение Фрейдом и Адлером¹⁹ всего психического к примитивным сексуальным желаниям и «властным» влечениям вполне допустимо, что оно полезно для еврея и частично его удовлетворяет; это ведь форма упрощения. Потому Фрейд, возможно, прав, закрывая глаза на мои возражения²⁰. Но эти специфически еврейские особенности совершенно не соответствуют германскому менталитету, ибо в нас все еще живет грубый варвар, с которым нельзя шутить: его проявления в сознании нисколько не утешают, а варварство вовсе не кажется нам приятным. Ах, если бы только люди сумели извлечь уроки из последней войны! Дело в том, что наше бессознательное не поддается чрезмерно изобретательным и гротескным интерпретациям. Психотерапевт еврейского происхождения пробуждает в германской душе не те следы времен царя Давида, по которым приятно впусую тосковать; нет, он будит вчерашнего варвара, существо, для которого все вдруг становится предельно серьезным и предельно неприятным. Эта раздражающая особенность варвара была очевидна для Ницше – без сомнения, из личного опыта, – и поэтому он высоко ценил еврейский склад ума и восхвалял пляски и полеты²¹, а не серьезное отношение к миру. Но он упустил из виду тот факт, что это не варвар в нас воспринимает мир серьезно, а сам мир навязывает такое восприятие. Варвар подчиняется демонам. Между тем кто относился к миру более серьезно, чем сам Ницше?

20 Мне кажется, что мы и вправду должны рассматривать проблему бессознательного очень и очень серьезно. Неуклонное принуждение к добру и несомненная нравственная сила христианства – не только довод в его пользу, но и очевидное доказательство силы его подавленного и вытесненного аналога – антихристианского, варварского элемента. Существование в нас чего-то такого, что может обернуться против современного человека, что способно бросить ему грозный вызов, лично я считаю не просто опасной особенностью психики, но также ценным и благоприятным достоянием человечества. Это поистине нетронутый запас, не подвергшееся порче сокровище, признак юности и залог возрождения. Тем не менее ценить бессознательное исключительно за его положительные качества и считать эту область психики источником откровений было бы в корне неправильно. Бессознательное – это прежде всего мир прошлого, который вторгается в настоящее через односторонность сознательной установки. Всякий раз, когда жизнь развивается односторонне в том или ином направлении, саморегуляция организма влечет за собой накопление в бессознательном всех тех факторов, которые играют слишком малую роль в сознательном существовании индивидуума. Потому-то я выдвигал

¹⁹ Австрийский психиатр, основоположник психотерапевтической системы индивидуальной психологии, противопоставлял «бессознательным влечениям» З. Фрейда представление о «жизненном стиле», т. е. о социальном факторе в жизни каждого человека. – *Примеч. пер.*

²⁰ См. работу автора: «Фрейд и Юнг: различия во взглядах» (том 4 собрания сочинений К. Г. Юнга). – *Примеч. ред.*

²¹ Имеется в виду концепция дионисийского начала у Ф. Ницше: это «необузданная... пьянящая, идущая из самых недр природы страсть жизни». – *Примеч. пер.*

нул в свое время компенсационную теорию бессознательного²² – в качестве дополнения к теории вытеснения.

21 Роль бессознательного заключается в том, чтобы компенсировать текущие сознательные содержания. Тут нет противоречия и противопоставления, поскольку случается, что склонность бессознательного совпадает со склонностью сознания, когда сознательная установка приближается к оптимальной. Чем ближе это оптимальное значение, тем сильнее снижается автономная активность бессознательного и тем больше падает его ценность – до тех пор, пока в мгновение достижения оптимума не упадет до нуля. Значит, можно утверждать, что, пока все идет хорошо, пока человек следует по пути, который ведет к индивидуальному и социальному оптимуму, о бессознательном речи вовсе не заходит. Сам тот факт, что мы в нашу эпоху вообще начинаем рассуждать о бессознательном, является доказательством того, что положение дел далеко от благополучного. Причем рассуждения о бессознательном нельзя целиком относить к пространству аналитической психологии; подобные разговоры начались еще во времена Французской революции, первые намеки на них можно отыскать у Месмера²³. Правда, в те дни говорили не о бессознательном, а о «животном магнетизме». Последний есть не что иное, как открытие заново первобытной концепции душевной силы (или «душевного топлива», *Seelenkraftstoff*), пробужденной в бессознательном посредством нового обращения к архаичным формам мышления. Пока животный магнетизм распространялся по всему западному миру и провоцировал подлинную манию столоверчения²⁴, что в конечном счете обернулось возрождением веры в фетиши (то есть в одушевление неодушевленных предметов), Роберт Майер²⁵ восхвалял первобытное представление о динамической энергии, истекающей из бессознательного и навязывающей себя человеку через вдохновение, вознося ту, по его собственным словам, до уровня научного понятия. Между тем эпидемия столоверчения перешла всякие границы и переродилась в спиритизм, который представляет собой современную веру в духов и возрождение шаманической формы религии, присущей нашим далеким предкам. Извлечение повторно востребованных содержаний из бессознательного продолжается по сей день, за последние несколько десятилетий оно привело к популяризации следующей, более высокой стадии дифференциации, к появлению эклектических (или гностических) систем теософии и антропософии²⁶. Одновременно закладывались основы французской психопатологии – в частности, основы французской школы гипноза²⁷, и психопатология, в свою очередь, причастна к возникновению аналитической психологии, а та сегодня стремится научно исследовать область бессознательного – те самые явления, каковые теософские и гностические секты предъявляют простодушным в облике зловещих тайн и загадок древности.

22 Из всего сказанного очевидно, что аналитическая психология не занимает обособленное положение, что она связана с конкретной исторической обстановкой. Само повторное обращение к бессознательному, само нарушение привычного хода вещей случилось приблизи-

²² См. работу автора: «Психология и патология так называемых оккультных явлений» (1902, том 1 собрания сочинений К. Г. Юнга). – *Примеч. ред.*

²³ Здесь подразумевается витализм – философское учение, которое постулирует наличие в живых организмах некоей сверхъестественной жизненной силы, якобы управляющей жизнедеятельностью. Примером витализма может служить теория «животного магнетизма» А. Месмера (месмеризм). – *Примеч. пер.*

²⁴ Имеются в виду популярные спиритические сеансы, в ходе которых предметы мебели якобы испытывали на себе потустороннее воздействие духов умерших, таким образом «общавшихся» с живыми. – *Примеч. пер.*

²⁵ Немецкий медик и естествоиспытатель, эмпирически показал действие закона сохранения энергии в одушевленной и неодушевленной природе. – *Примеч. пер.*

²⁶ Теософская система Е. П. Блаватской и антропософская система Р. Штайнера сочетают в себе «эзотерические» элементы гностицизма, каббалы, индуизма и буддизма. – *Примеч. пер.*

²⁷ Имеются в виду исследования Нансийской школы И. Бернгейма, который считал, что гипноз представляет собой воздействие на воображение человека (тогда как так называемая Парижская школа Ж. Шарко усматривала в гипнозе физическое воздействие – например, воздействие тепла/холода и т. д.). – *Примеч. пер.*

тельно в 1800 году – под влиянием, на мой взгляд, революции во Франции. Это была не столько политическая революция, сколько революция умов – воспламенение всех тех грандиозных запасов горючего материала, что накапливались со времен эпохи Просвещения. По-видимому, низвержение христианства, публично предпринятое революционерами²⁸, произвело немалое впечатление на язычника, который прячется в нашем бессознательном, и с тех пор этот язычник не ведал покоя. Он, что называется, жил и дышал в величайшем среди немцев той поры, Гете, а устами Гельдерлина²⁹ прилюдно оплакивал былую славу Греции. Далее дехристианизация мировоззрения стала развиваться стремительно, невзирая на потуги отдельных реакционеров. Рука об руку с этими событиями шло заимствование чужих божеств. Помимо фетишизма и шаманизма, о которых упоминалось выше, стал распространяться буддизм – за него так радел Шопенгауэр³⁰. Стремительно обретали популярность мистериальные религии, и тут нельзя не вспомнить высшую форму шаманизма – «Христианскую науку»³¹. Эта картина живо напоминала первые века нашей эры, когда Рим начал потешаться над старыми богами и ощутил потребность в массовом принятии новых. Как и сегодня, ввозилось практически все подряд, от самых низких и убогих суеверий до благороднейших проявлений человеческого духа. Наше время роковым образом схоже с той эпохой, и вновь далеко не все обстоит благополучно, а бессознательное прорывается вовне и извлекает на поверхность то, что с незапамятных времен таилось очень глубоко. Причем в древности хаос, охвативший умы, был, пожалуй, не столь заметен, как сейчас.

23 Читатель наверняка обратит внимание на то, что я пока не касался медицинской стороны бессознательного, не стал раскрывать, например, как бессознательное продуцирует нервные симптомы. Впрочем, об этом говорилось чуть ранее, и возвращаться к вопросу нет необходимости. Ни в коей мере я не отступаю от предмета обсуждения, ибо психотерапия занимается не только семейными ссорами, неразделенной любовью и тому подобным: ее также интересует психологическая приспособляемость как таковая, наше отношение к людям и объектам, равно как и к самим себе. Врач, лечащий тело, должен знать анатомию, а врач, лечащий душу, должен познать душу. Если психика для него сводится лишь к сексуальности или к стремлению человека к власти, то душу он познал разве что частично. Конечно, это знание тоже полезно и должно быть изучено, однако прочие части общего знания важны ничуть не менее, в особенности это верно для взаимоотношений сознания и бессознательного. Пусть у кого-то, как говорится, наметан глаз в биологии, этого мало для того, чтобы разобраться в происходящем, поскольку практическая ситуация намного шире правил евгеники, а оценка человеческой жизни с точки зрения стремления к самосохранению и размножению оказывается односторонней почти до примитивности. Безусловно, бессознательное предстает перед нами в самых разных обликах, но до сих пор мы слишком уж пристально следили за некоторыми внешними его проявлениями – скажем, за архаическим языком бессознательного, – воспринимая плоды наблюдений совершенно некритически. Язык бессознательного особенно богат образами, это убедительно доказывают наши сновидения. Но это примитивный язык, дословное, если угодно, отражение красочного и постоянно меняющегося мироздания. Бессознательное обладает той же природой и является компенсаторным образом мира. На мой взгляд, нельзя утверждать, что бессознательное имеет сугубо сексуальную природу, нельзя счи-

²⁸ Подразумеваются так называемые антиклерикальные законы, принятые в 1790–1795 гг. в революционной Франции: в частности, в стране вместо христианства был введен культ Разума (чуть позднее – культ Верховного Существа). – *Примеч. пер.*

²⁹ Немецкий поэт, писатель и философ, один из классиков немецкой литературы. – *Примеч. пер.*

³⁰ Известно, что в кабинете Шопенгауэра стояла бронзовая фигура Будды, а в сочинениях этого философа довольно часты отсылки к буддийскому мировоззрению (так, он утверждал, что страдание – существенная часть человеческой жизни, и пр.). – *Примеч. пер.*

³¹ «Христианская наука» – религиозное движение на основе либерального протестантизма, проповедует возможность обретения человеком «разума Христа» и подлинно духовного состояния вне телесных (бренных) ограничений (отсюда причисление этого учения к «шаманизму» у автора). – *Примеч. пер.*

тать, будто оно представляет собой метафизическую реальность, и нельзя возвышать его до положения «всеобщего первоначала». Его следует трактовать как психическое явление, подобное сознанию. О том, что такое психика, нам известно не больше, чем о том, что такое жизнь. Это взаимопроникающие тайны, и неудивительно, что мы никак не можем постичь, насколько «я» есть мир и насколько «мир» есть «я». При этом реальность бессознательного неоспорима, ибо оно действует и его действие ощущается нами. Мне нравится воображать бессознательное в виде мироздания, отраженного в зеркале: наше сознание рисует картину внешнего мира, а также мира внутри нас самих, то есть компенсаторного зеркального отражения мира вовне. Еще можно сказать, что внешний мир является компенсирующим зеркальным отражением мира внутреннего. Так или иначе, мы, люди, стоим между двумя мирами, между двумя принципиально различными психологическими системами восприятия – между восприятием внешних сенсорных раздражителей и восприятием бессознательного. Наше представление о внешнем мире побуждает истолковывать все вокруг как результат взаимодействия физических и физиологических сил, тогда как картина внутреннего мира изображает все происходящее как плод взаимодействия духовных сил. Намерения богов и демонов занимают место законов природы, а души и духи подменяют собой природные инстинкты. Два мировоззрения не в состоянии ужиться вместе, и нет логики, которая могла бы их объединить: один образ мира оскорбляет наши чувства, а другой – наше понимание. Но человечество всегда ощущало потребность в объединении этих мировоззрений, отсюда усилия философов, основателей религий и художников³².

24 Быть может, правильно будет попытаться сблизить эти два мира. Шиллер думал, что нашел способ это проделать в искусстве, недаром он рассуждал об «символе» искусства³³. Художнику надлежит познать тайну «срединного» пути³⁴. Мой собственный опыт, правда, вынуждает усомниться в правоте таких воззрений. Я придерживаюсь мнения, что единение рациональной и иррациональной истин следует искать не столько в искусстве, сколько в символе как таковом, ибо сущность символа состоит в том, чтобы выражать как рациональное (разумное), так и иррациональное (неразумное). Он всегда выражает одно через другое, включает в себя то и другое, не будучи ни тем ни другим.

25 Как возникает символ? Этот вопрос подводит нас к важнейшей функции бессознательного – к функции создания символов. Указанная функция крайне примечательна, поскольку она обладает лишь относительным бытием. Компенсаторная функция, с другой стороны, является естественной, автоматической функцией бессознательного и присутствует в психике постоянно. Она обязана своим существованием тому простому факту, что все позывы, мысли, желания и склонности, противоречащие рациональной ориентации повседневной жизни, лишаются выражения, оттесняются на задний план и в конце концов попадают в бессознательное. Там постепенно накапливается все то, что мы подавляли и вытесняли, сознательно игнорировали и обесценивали; со временем этот материал приобретает такую силу, что начинает воздействовать на сознание. Это влияние было бы прямо противоположным нашей сознательной ориентации, если бы бессознательное состояло только из вытесненного и подавленного материала. Но, как мы видели, это не так. Бессознательное содержит также «темные», смутные влечения и побуждения, все те силы, которые никогда не смогли бы пробудить ни

³² В английском переводе текста статьи, просмотренном и одобренном автором, последние три предложения этого абзаца звучат иначе: «Для бессознательного мироздание предельно мифологизировано. Значит, уже не сила притяжения сводит звезды воедино, а творческая длань демиурга; любовь – не просто половое влечение, а психическая предрасположенность, и т. д.». – *Примеч. ред.*

³³ Ф. Шиллер – виднейший немецкий теоретик искусства, философ, поэт и драматург, предшественник романтизма. Шиллер говорил о «живом образе», под которым понималась «прекрасная» форма искусства. Подробнее см.: Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании // Собрание сочинений: в 7 т. М., 1957. Т. 6. – *Примеч. пер.*

³⁴ Отсылка к характеристике буддизма как срединного пути между потаканием мирским соблазнам и аскетизмом. – *Примеч. пер.*

простая разумность, ни приличия, ни упорядоченный ход буржуазного существования, – все те творческие силы, которые ведут человека к новому развитию, новым формам и новым целям. Потому-то я характеризую влияние бессознательного не только как дополнительное, дополняющее, но и как компенсирующее: оно дополняет сознание всем тем, что было исключено вследствие пересыхания источников интуиции и вследствие сознательной погони за какой-то единственной целью.

26 Эта функция, как уже говорилось, действует автоматически, но из-за пресловутой атрофии инстинкта у человека культурного³⁵ она зачастую слишком слаба, чтобы изменить одностороннюю ориентацию сознания и побудить к выбору нового направления развития вопреки давлению общества. Поэтому всегда необходимы некие искусственные вспомогательные средства, пробуждающие целительную силу бессознательного. Как правило, эту задачу берет на себя религия. Принимая проявления бессознательного за божественные или демонические знаки, за откровения или предостережения, религия внушает человеку какую-либо идею или точку зрения, сулящую благоприятный исход. Посему в религии особое внимание уделяется всем без исключения явлениям бессознательного происхождения, будь то сны, видения, чувства, фантазии или их проекции, странное или необычное поведение, а также любые нетипичные процессы органической и неорганической природы. Такая сосредоточенность внимания позволяет бессознательным содержаниям проникать в сознательную жизнь, которая тем самым подвергается изменениям. Под этим углом зрения религиозные идеи суть сторонняя поддержка, которая идет на пользу бессознательному, наделяя компенсаторную функцию последнего – каковая, если ее игнорировать, теряет свое значение – более высокой ценностью для сознания. Вера, суеверие, любая аффективная мысль – все придает бессознательному содержанию ценность, которой оно обычно не обладает, но которую могло бы со временем обрести, пусть и в какой-либо малоприятной форме. Следовательно, при накоплении бессознательных содержаний в результате постоянного их игнорирования эти содержания неизбежно начинают оказывать болезнетворное влияние. Среди первобытных людей невротиков столько же, сколько и среди культурных европейцев. Истеричные африканцы отнюдь не редкость в Африке. Эти малоприятные проявления бессознательного в значительной степени объясняют как первобытный страх перед демонами, так и проистекающие из него обряды умиловивления.

27 Компенсаторная функция бессознательного, разумеется, не содержит в себе никакой сознательной оценки, пускай она целиком зависит от сознательного способа мышления. Бессознательное в лучшем случае способно порождать зачатки сознательных убеждений или зачинать образование символов. Поэтому можно сказать, что символообразующая функция бессознательного одновременно существует и не существует – в зависимости от условий. Это парадоксальное качество она разделяет с самими символами. Тут вспоминается история молодого раввина, ученика Канта. Однажды старый раввин пришел вернуть этого молодого человека в веру его отцов, но все доводы были напрасны. Тогда старик достал зловещий шофар – рог, в который трубят, проклиная еретиков (как случилось со Спинозой), – и спросил молодого раввина, знает ли тот, что это такое. «Конечно, знаю, – холодно ответил юноша, – это бараний рог». Потрясенный старик отшатнулся и в ужасе пал наземь³⁶.

28 Что такое шофар? Да, конечно, это бараний рог – но не только и не столько рог. Порой символ толкуется буквально, и это означает, что как символ он умер. Символ уничтожается, когда нам удастся превратить шофар в обыкновенный бараний рог. При этом через символизацию бараний рог вполне может стать шофаром.

³⁵ В немецкой обществоведческой традиции принято говорить о культурах, тогда как в британской (и российской) этнографии обычно употребляются термины «цивилизация» и «цивилизованный». – *Примеч. пер.*

³⁶ Эту историю излагает в своем очерке «К истории религии и философии в Германии» (1834) Г. Гейне. См.: Гейне Г. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982. Т. 4. – *Примеч. пер.*

29 Компенсаторная функция выражается во вполне конкретном расположении психического материала, например, в сновидениях, в которых нет ничего «символического», как в бараньем роге. Чтобы обнаружить их символизм, необходима определенная сознательная установка, а именно, готовность трактовать содержание сновидения символически (вначале это не более чем допущение, а далее посредством опыта решается, нужно ли или желательно понимать сновидение вот так). Приведу здесь краткий пример, который поможет нам прояснить этот трудный вопрос. Пожилая пациентка, которая, как и многие другие, беспокоилась из-за войны, как-то поведала мне следующий сон, приснившийся ей незадолго до того, как она посетила меня:

30 *Она пела гимны, в которых восхвалялась вера в Христа, в том числе гимн такого содержания:*

Кровь и праведность Христа —
В них душа моя чиста.
В этом праздничном наряде
Я предстану, славы ради,
Пред Всевышним в Судный день.
Нам Христос – благая сень.

Пока пела, она вдруг увидела бешено взбрыкивающего быка. Внезапно тот подпрыгнул и на ее глазах сломал себе одну ногу. Животное явно мучилось, и пациентка, отведя взор, подумала, что кто-то должен его убить. Затем она проснулась.

31 Агония быка напомнила пациентке о мучениях животных, невольной очевидицей которых ей доводилось бывать. Она ненавидела подобные зрелища и чрезвычайно расстраивалась, поскольку бессознательно отождествляла себя с замученными животными. В ней самой присутствовало что-то такое, что позволяло сопоставить себя с образом страдающего животного. Этот образ, по всей видимости, сложился под воздействием пристального внимания к вере в Христа в тех гимнах, которые пациентка пела во сне, ведь именно во время пения бык начал взбрыкивать и сломал себе ногу. Такое странное сочетание мыслей незамедлительно привело к ассоциации, связанной с глубоко религиозным по своей сути переживанием: в ходе войны пациентка ощутила, что перестает верить в милость Божию и усомнилась в правоте христианского мировоззрения. Это разочарование в сновидении должно было бы смягчиться, именно поэтому во сне подчеркивается вера в Христа, но вместо этого пробудилась «животная» часть бессознательного, воплотившаяся в фигуре быка. Перед нами как раз тот элемент, который в христианской символике олицетворяет поражение и принесение в жертву. В христианской мистерии закалается Агнец. В родственной по духу религии, митраизме, которая вправе считаться наиболее успешным соперником христианства, главным символом культа выступал не баран, а бык, которого приносили в жертву. Обычно над алтарем изображали быка, которого повергает божественный спаситель Митра. Налицо, таким образом, очень тесная историческая связь между христианством и жертвоприношением быка. Христианство в своем развитии вытеснило этот животный элемент, но в миг, когда абсолютная ценность христианской веры была поколеблена, он снова выдвинулся на передний план. Животный инстинкт стремится вырваться наружу, но при этом бык ломает ногу, то есть калечит себя. Также из чисто животных влечений возникают все те факторы, которые ограничивают воздействие инстинкта. Из того же основания, которое порождает дикое, яростное, слепое влечение, произрастают законы природы и культурные формы, укрощающие и обуздывающие эту первозданную силу. Но когда животное в нас отщепляется от сознания путем вытеснения, оно обретает возможность вырваться наружу, отвергнуть всякое приручение и всякую власть над собой. Такое высвобождение всегда заканчивается катастрофой – животное уничтожает себя. Нечто, изна-

чально опасное, теперь становится достойным сожаления и действительно нуждается в нашем сострадании. Чудовищные силы войны чреваты саморазрушением, поскольку ни одна человеческая рука их не направляет и не удерживает. Наш взгляд на мир оказался слишком узким, чтобы вместить эти силы в какую-либо культурную форму.

32 Заяви я своей пожилой пациентке, что бык есть сексуальный символ, мы бы ровным счетом ничего не добились; хуже того, пациентка окончательно отринула бы прежнюю религиозную точку зрения, от чего никому не стало бы лучше. В таких случаях речь не идет о выборе между несколькими объяснениями. Если мы готовы принять символическую точку зрения, хотя бы в качестве гипотезы, то сразу станет понятным, что это сновидение представляет собой попытку со стороны бессознательного привести христианское начало в гармонию с будто бы непримиримой его противоположностью – с животным инстинктом – посредством понимания и сострадания. Не случайно официальное христианство никак не связано с почитанием животных. Эта особенность, особенно заметная в сравнении с буддизмом, остро ощущается повсеместно – чувствительными людьми, и один современный поэт даже воспел Христа, жертвующего жизнью в искупление страданий бессловесных животных³⁷. Христианская любовь к ближнему может распространяться и на животных, *на животное в нас*, она способна охватить любовью все то, что сурово вытесняется строгим антропоморфным мирозерцанием. Будучи вытесненным в бессознательное (обратно в источник, из которого оно возникло), животное в нас становится звероподобнее, и в этом факте, без сомнения, кроется причина того, что ни одна религия не осквернила себя пролитием невинной крови в той же степени, что и христианство: мир не видывал войн кровавее, нежели схватки христианских народов между собою. Подавляемое животное вырывается наружу во всей своей дикости, когда получает свободу, и в ходе самоуничтожения влечет мир к коллективному самоубийству. Будь каждый из нас лучше осведомлен о животном внутри себя, мы бы, наверное, больше ценили жизнь, считали ее абсолют, высшим нравственным принципом, инстинктивно восставали бы против любой институции, любой организации, грозящей этой жизни массовым истреблением.

33 Значит, этот сон просто показывает сновидице ценность христианства и противопоставляет религию необузданной силе природы, которая, будучи предоставлена самой себе, увеичит себя и требует жалости. Сугубо аналитическая редукция, сводящая религиозное чувство к подавлению животного инстинкта, была бы в данном случае бесплодной и бесполезной до разрушительности. Если, с другой стороны, мы утверждаем, что сон следует толковать символически, что он открывает перед сновидицей возможность примириться с собой, тем самым делается первый шаг к пониманию, способному гармонизировать противоречащие друг другу значения и проложить новый путь внутреннего развития. Последующие сновидения, в соответствии с этой гипотезой, обеспечат нас материалом для постижения более широких последствий единения животного элемента с высшими моральными и интеллектуальными достижениями человеческого духа. По моему опыту, именно так и происходит на самом деле, поскольку бессознательное постоянно компенсирует свое воздействие на сознательную ситуацию в конкретный момент времени. Следовательно, вовсе не безразлично, каково наше сознательное отношение к бессознательному. Чем более мы негативны, критичны, враждебны или пренебрежительны, тем сильнее бессознательное будет перенимать эти качества – и тем больше от нас будет ускользать истинная его ценность.

34 Итак, бессознательное осуществляет функцию создания символов только тогда, когда мы готовы распознать в нем символический элемент. Плоды бессознательного суть сама природа. Но природа сама по себе не является наставником и вожатым, ведь она существует не для человека. *Naturam si sequemur ducem, nunquam aberrabimus*³⁸, – говорили древние. Явление

³⁷ Имеются в виду австрийский поэт Г. Тракль и его стихотворение «Passion» (1909). – *Примеч. пер.*

³⁸ Если будем следовать указанию природы, никогда не ошибемся (лат.). В русском переводе трактата «Об обязанностях»

магнетизма не имеет отношения к перемещению кораблей по морю, но чтобы не затеряться среди вод, необходимо пользоваться компасом, а также допускать определенную поправку, ибо стрелка компаса далеко не всегда указывает точно на север. Так же обстоит дело с направляющей функцией бессознательного. Она может служить источником символов, но необходима сознательная коррекция, которую нужно применять к каждому природному явлению, чтобы оно соответствовало нашей цели.

35 Многим этот взгляд покажется крайне ненаучным, ибо в нем отсутствует даже намек на стремление свести все к неким основополагающим причинам, когда можно с уверенностью заявлять, что то-то и то-то есть «не что иное, как» то или иное. Для всех, кто пытается объяснить мир подобным образом, весьма удобно воспринимать сексуальность в качестве причинного фактора. В самом деле, в случае, который описан выше, сексуальное объяснение как бы напрашивается само собой. Но какова от него польза для пациентки? Какой в нем смысл для пожилой женщины на пороге старости? Или психотерапия должна впредь ограничиваться пациентами моложе сорока лет?

36 Естественно, можно спросить в ответ: что получает пациент от объяснения, которое опирается на религиозную трактовку? Что вообще такое религиозная трактовка? Какое отношение научный метод имеет к религии?

37 Мне кажется, в такого рода вопросах следует довериться мнению пациента. Какую пользу он может извлечь из этих ответов? Зачем ему углубляться в науку? Если он религиозен, то личное отношение к Богу для него несравнимо важнее любого удовлетворительного объяснения, приемлемого для науки (больному безразлично, как именно он выздоравливает, лишь бы выздороветь). К каждому пациенту должен быть индивидуальный подход. Это означает, что врач должен вникнуть в конкретную ситуацию, а не выдвигать объяснения, опираясь на абстрактные «научные» принципы (последние вполне могут быть верными биологически, но для пациента остаются пустым звуком).

38 С моей точки зрения, первейшая обязанность научного психолога состоит в том, чтобы стараться подойти ближе к живым фактам психического, внимательно наблюдать за этими фактами и тем самым улавливать более глубокие переживания, о которых в настоящее время еще ничего не известно. Поэтому, когда у того или иного индивидуума возникает психосексуальный конфликт, а перед другим встает религиозная проблема, истинный ученый прежде всего признает явную разницу между ними. Он будет заниматься и религиозной проблемой, и психосексуальным конфликтом, независимо от того, допускает ли «символ веры» биолога существование богов. По-настоящему беспристрастный исследователь не позволит такому субъективному «символу веры» видоизменять или каким-либо образом искажать материал исследования, причем патологический материал не составляет здесь исключения. В наши дни было бы неоправданной наивностью рассматривать невротический конфликт исключительно как сексуальный или исключительно как проблему распределения власти. Эта трактовка столь же произвольна, как и утверждение, что не существует ни бессознательного, ни невротических конфликтов. Когда мы видим наяву, сколь могущественными могут быть идеи, нужно признать, что они должны так же ярко проявлять себя в индивидуальной психике, и не будет иметь значения, осознает их индивидуум или нет. Никто не сомневается в том, что сексуальность является важным психологическим фактором, но нельзя сомневаться и в том, что идеи выступают схожими по воздействию факторами. Между миром идей и миром влечений существует то принципиальное различие, что осознается, как правило, лишь один из них, а другой в результате начинает господствовать в бессознательном. Потому, когда кто-либо в своей сознательной жизни подпадает всецело под власть инстинктов, его бессознательное будет

односторонне выпячивать ценность идей. А поскольку влияние бессознательного в конце концов ощущается сознанием опосредованно и тайно определяет мировосприятие, порождается в итоге некое компромиссное образование: инстинкт исподволь становится навязчивой идеей, теряет связь с реальностью и превращается бессознательным в односторонний, универсальный принцип. Мы также видим, что часто происходит обратное: человек сознательно цепляется за мир идей – и вынужден ощущать, как инстинкты постепенно творят из этих идей инструменты бессознательных желаний.

39 Поскольку современный мир и его газеты представляют собой нечто вроде гигантской психиатрической лечебницы, всякий внимательный наблюдатель имеет отличную возможность увидеть воочию, как эти схемы разворачиваются у него на глазах. Аналитическая психология всемерно подчеркивает, что крайне важно изучать эти явления, памятуя о том, что бессознательное одного человека проецируется на другого, а потому первый обвиняет второго именно в том, чего не замечает в самом себе. Этот принцип настолько важен и настолько опасен, что каждому из нас следовало бы, прежде чем бранить других, крепко подумать, не начать ли разбирательство с себя.

40 Это отступление, казалось бы, не относящееся к делу, подводит нас к одной из самых замечательных особенностей бессознательного: оно присутствует перед нашими глазами во всех своих проявлениях и доступно наблюдению в любое время.

41 Причина этой парадоксальной особенности заключается в том, что бессознательное, будучи пробуждаемым каким-либо образом малыми порциями энергии, проецируется на определенные, более или менее подходящие объекты. Читатель спросит, откуда это может быть известно. Существование проекций было постепенно признано, когда выяснилось, что процесс психологической приспособляемости характеризуется нарушениями и расстройствами, обусловленными, по-видимому, самим объектом. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что «причиной» выступает бессознательное содержание, которое, в нераспознанном состоянии, переносится субъектом на объект – и в ходе перенесения раздувает какую-либо из своих черт до такой степени, что она становится достаточным поводом для расстройства.

42 Факт проекции впервые выявили именно по нарушениям психологической приспособляемости. Позднее проекцию удалось обнаружить и посредством инструментов приспособления, то есть по очевидно положительным качествам объекта. Те ценные качества личности субъекта, которые он не замечал в себе самом, как бы проявлялись в объекте и делали тот особенно желанным.

43 Но подлинный размах проекций бессознательного был постигнут благодаря изучению тех темных и необъяснимых чувств и аффектов, которые придают некое неосоздаемое, магическое очарование определенным местностям, настроениям, произведениям искусства, а также идеям и людям. Эта магия также опирается на проекции, но уже на проекции коллективного бессознательного. Если «магическим» свойством наделяются неодушевленные предметы, то зачастую одной только статистики вполне достаточно, чтобы доказать, что значение таких предметов обусловлено проекцией мифологического содержания из коллективного бессознательного. По большей части этим содержанием являются мотивы, известные нам из мифов и сказок. Назову в качестве примера загадочный дом, где обитает ведьма или колдун, где совершается или было совершено какое-то чудовищное преступление, где обитает призрак, где зарыт спрятанный клад и т. д. Проекцию этого первообраза можно распознать, когда однажды кто-то случайно натывается на похожий таинственный дом – когда, иными словами, реальный, вполне обыкновенный дом производит на человека волшебное впечатление. Как правило, само место и его окружение кажутся символическими; следовательно, они суть проекция целостной бессознательной системы.

44 Это мировоззрение во всей полноте обнаруживается у первобытного человека. Местность, в которой он живет, служит одновременно топографией его бессознательного. Вон в

том величественном дереве обитает бог-громовержец; в том роднике прячется старая ведьма; в лесу похоронен легендарный вождь; возле вон той скалы никто не может разводить огонь, потому что в ней обитают демоны; ту грудку камней населяют духи предков, и любая женщина, проходя мимо, должна скороговоркой произнести отвращающее заклинание, чтобы не забременеть, ибо один из духов может незримо проникнуть в ее тело. Всевозможные предметы и знаки отмечают эти места, к ним относятся с благочестивым трепетом. Так, первобытный человек обитает одновременно на своей земле и в области бессознательного. Повсюду бессознательное проявляет себя, оказывается живым и реальным. Насколько же отличны наши отношения с землей, на которой мы живем! Совершенно чуждые нам чувства сопровождают дикаря на каждом шагу. Кто ведает, что значит для него крик птицы или ствол старого дерева! Целый мир чувства закрывается для нас, подменяется унылым эстетизмом. Впрочем, целиком этот первобытный чувственный мир не потерян, он оживает в нашем бессознательном. Чем дальше мы отходим от него, гордясь просвещенностью и превосходством в разумности, тем менее он ощущается, но тем сильнее становится – благодаря всему тому, что в него попадает, будучи отвергнуто нашим односторонним рационализмом. Утраченный нами кусочек природы ищет мести и возвращается в поддельной, искаженной форме, например: в виде эпидемии танго³⁹, в виде футуризма, дадаизма и всех прочих нелепостей и причуд, какими изобилует наша эпоха.

45 Даже первобытное недоверие к соседнему племени – недоверие, которое, как нам казалось, мы давно переросли благодаря различным международным организациям, – вновь напомнило о себе в недавней войне, раздувшись до чудовищных размеров. Дело уже не в том, чтобы просто сжечь соседнюю деревню или отрубить несколько голов: целые страны опустошены, миллионы людей истреблены. Враждебная нация лишается даже крупинки достоинства, а наши собственные недостатки проявляются в других народах – в фантастически преувеличенном виде. Где сегодня высшие умы, способные к размышлению? Если они вообще существуют, то на них никто не обращает внимания: зато налицо всеобщее неистовство, всеобщая обреченность, от которой индивидуум бессилен защититься. В этом коллективном безумии, к слову, виноват и каждый человек по отдельности, ведь нации состоят из индивидуумов. Поэтому каждый должен решить для себя, какими средствами и способами он может противодействовать злу. Наше рационалистическое отношение побуждает думать, что мы можем творить чудеса, используя международные организации, законы и прочие благие намерения. Но в действительности только изменение личного восприятия способно привести к обновлению духа нации. Все начинается с личности.

46 Благонамеренные богословы и ученые-гуманитарии желают уничтожить власть – точнее, стремление к власти в других людях и народах. Но начинать нужно с того, чтобы истребить это стремление в себе. Только так возможно добиться цели. Мы должны прислушиваться к голосу природы, который говорит с нами из бессознательного. Тогда каждый будет настолько занят собой, что откажется от попыток привести в порядок весь мир.

47 Непосвященного может слегка удивить тот факт, что я включил эти общие рассуждения в свое обсуждение психологической концепции. Это вовсе не отступление от темы, как может показаться; указанные рассуждения составляют существенную часть вопроса. Отношения между сознательным и бессознательным – не что-то отдельное, не что-то обособленное, они самым тесным образом связаны с нашей историей, с настоящим временем и с нашим мировоззрением. Очень многое остается неосознаваемым для нас только потому, что наш взгляд на мир не оставляет этому многому места; благодаря воспитанию и обучению мы никогда не сталкивались с этими явлениями, а при случайном столкновении с ними в форме фантазий созна-

³⁹ Имеется в виду широкое распространение «непристойного танца» танго в Европе и Северной Америке в начале 1910-х гг. после гастролей южноамериканских танцоров. Подробнее см.: Castro D. S. The Argentine Tango as Social History, 1880–1955: The Soul of the People. N.Y., 1991.

ние немедленно такие фантазии вытесняло. Граница между сознательным и бессознательным во многом определяется нашим взглядом на мир. Вот почему мы должны обсуждать общие установки, если хотим полноценно разобрать представление о бессознательном. Если мы серьезно желаем постичь его природу, мы должны принимать во внимание не только насущные заботы, но и историю человеческого духа.

48 Интерес к бессознательному получает сегодня как практическое, так и теоретическое воплощение. Наше мировоззрение до сих пор играло определяющую роль в формировании бессознательного и его содержаний, а изменение наших взглядов в соответствии с активными силами бессознательного возлагается на нас теперь как практическая необходимость. Невозможно навсегда вылечить невроз у отдельного человека с помощью одних лишь лекарств, поскольку человек не может существовать изолированно, вне человеческого сообщества. Принцип, на котором он строит свою жизнь, должен быть приемлемым для общества, иначе не найдется места той естественной нравственности, которая требуется всякому члену стада (*Herdenwesen*). Но такой принцип, если он не прячется во тьме бессознательного, становится установленным мировоззрением, которое ощущается как необходимое всеми, кто имеет привычку сознательно изучать собственные мысли и действия. Возможно, вышесказанное некоторым образом объясняет, почему я решился затронуть здесь вопросы, требующие длительного и серьезного изучения. Не будет преувеличением сказать, что для полноценного рассмотрения каждого из них потребуется не одна голова и не одна человеческая жизнь.

II. Душа и земля⁴⁰

49 В такой постановке вопроса – «Душа и земля» – слышится нечто поэтическое. Можно произвольно расценить это высказывание как намек на «небесную обусловленность» души, вспомнив китайское учение о душе «шэнь-гуй»⁴¹ – первая часть души принадлежит небу, а вторая земле. Поскольку мы, западные люди, ничего не знаем о субстанции души и не можем установить, что в ней имеет небесную, а что – земную природу, постольку мы должны довольствоваться двумя различными взглядами, или видимыми сторонами, того сложного явления, которое называем душой. Вместо того чтобы вести речь о небесной душе как о беспричинной творческой сущности, вместо того чтобы допустить существование души гуй, можно трактовать душу как возникающую из причинности сущность, обусловленную различными влияниями. В отношении нашей постановки вопроса последний взгляд был бы наиболее уместным: душа – это *возникающая из земных условий окружающего мира система адаптации*. Мне нет нужды особо подчеркивать, что такой взгляд с точки зрения причинно-следственных связей является односторонним, ибо, даже достигая своей цели, он позволяет правильно понять всего одну сторону души. Другая же сторона души, поскольку она не подлежит оценке при такой постановке вопроса, выпадает из рассмотрения.

50 Что касается предмета рассмотрения, а именно феномена души, то в этом отношении было бы полезно определить, что именно следует понимать под словом «душа». Согласно некоторым нынешним взглядам, «душевное», или «духовное», целиком относится к области сознания. Впрочем, нам едва ли удастся обойтись таким ограничением. Современная психопатология изобилует наблюдениями, согласно которым налицо душевная деятельность, аналогичная функциям сознания, но при этом неосознаваемая. Можно *неосознанно* воспринимать, думать, чувствовать, вспоминать, решать и действовать. Все то, что происходит в сознании, может в известных случаях происходить и без участия сознания. Как это становится возможным, можно наилучшим образом объяснить, если вообразить функции души и ее содержания в качестве ночного пейзажа, подсвеченного лучом фонаря. То, что мы видим в круге света, осознается; все остальное за пределами этого круга лежит во тьме, не осознаваясь, однако живет и действует. Если луч перемещается, то осознаваемое прежде содержание погружается в бессознательное, а в круг света попадают новые содержания. Исчезнувшие же во тьме содержания продолжают действовать дальше и проявляются косвенно, симптомами, так, как описывал Фрейд в «Психопатологии обыденной жизни». Бессознательные активности и торможения мы можем достоверно выявить в опыте с помощью ассоциативных экспериментов.

51 Если брать в расчет опыт психопатологии, то душа предстанет перед нами такой обширной областью так называемых психических явлений, которые частично осознаются, частично же остаются неосознаваемыми. Бессознательное расширение души, разумеется, недоступно непосредственному наблюдению – иначе оно не было бы бессознательным, – но может проявляться вследствие влияний, оказываемых на сознание происходящими в бессознательном процессами. Словом, наш вывод уже не может звучать так: «Это как если бы...»

52 Здесь я должен более подробно коснуться сущности и структуры бессознательного, иначе мне не удастся должным образом осветить вопрос о земной обусловленности души. При

⁴⁰ Доклад, прочитанный в Обществе свободной философии в Дармштадте, 1927 г. Опубликован как часть работы «Земная обусловленность души» в сборнике «Человек и земля» под редакцией графа Германа Кайзерлинга (Дармштадт, 1927); в извлечении под названием «Структура психического» в: «Europäische Revue» IV/1 и 2 (Берлин, 1928). Позднее текст статьи был поделен на работы «Структура психического» и «Душа и земля»; обе части опубликованы в: «Seelenprobleme der Gegenwart» (Цюрих, 1931). – *Примеч. ред.*

⁴¹ Согласно китайской религиозной философии душа человека состоит из нескольких духов: дух шэнь отвечает за жизнь, дух гуй – за смерть. – *Примеч. ред.*

рассмотрении этого вопроса речь идет о началах и основаниях души, то есть о том, что с незапамятных времен погребено во тьме, а не о банальных фактах чувственного восприятия и осознанного приспособления к окружающему миру. Эти последние относятся к области психологии сознания, а я не хочу – как уже говорил – подменять душу сознанием. Душа – нечто более всеохватное, более темная область опыта, нежели ограниченное лучом света сознание. *Бессознательное также принадлежит психике.*

53 В «Структуре психического» я попытался дать общий взгляд на структуру бессознательного. Его содержание, *архетипы*, в известной мере выступает как скрытое основание осознаваемой души – или, если прибегнуть к другому сравнению, как корни, которые погружены не в землю, в узком смысле этого слова, а в мир вообще. Архетипы суть системы готовности, одновременно образы и эмоции. Они наследуются вместе с мозговыми структурами, психическими проявлениями которых являются. Отчасти они формируют сильнейшие инстинктивные предубеждения, отчасти же образуют наиболее действенное подспорье способности к инстинктивному приспособлению. Это подлинно *хтоническая* часть психики – если в данном случае уместно такое выражение, – та часть, посредством которой душа связана с природой или, по меньшей мере, наиболее понятным образом связана с землей и миром. В этих первобытных, исконных образах наиболее отчетливо выступает душевное воздействие земли и ее законов.

54 Эта проблема не столько запутанная, сколько деликатная. При исследовании этого вопроса можно столкнуться с совершенно необычными трудностями, в первую очередь с тем фактом, что архетип и его функцию надо понимать скорее как фрагмент доисторической иррациональной психологии, нежели как рационально мыслимую систему. Здесь, как мне думается, позволительно следующее сравнение: пусть нужно описать и объяснить здание, верхний этаж которого был построен в девятнадцатом веке, первый этаж – в шестнадцатом столетии, а более тщательное исследование каменной кладки позволило утверждать, что все здание есть перестройка жилой башни одиннадцатого века. В подвале обнаружены следы римского фундамента, а еще ниже скрывается пещера, в верхних слоях дна которой обнаруживаются каменные орудия, а в нижних пластах – окаменевшие остатки соответствующей фауны. Такова приблизительно и структура нашей психики: мы живем на верхнем этаже и лишь смутно догадываемся о том, что нижний этаж несколько древнее верхнего. То, что лежит под поверхностью, является полностью неосознаваемым.

55 Это сравнение, конечно же, хромает, как хромает всякое сравнение; ибо в душе мы имеем дело не с мертвым реликтом, а с живым организмом, и наш верхний этаж, сознание, находится под постоянным влиянием живого фундамента, на который оно опирается. Здание свободно возвышается над землей, а наше сознание, можно сказать, парит в воздухе, открывая широкий обзор. Чем ниже мы будем спускаться, тем уже начнет становиться горизонт, тем больше мы станем погружаться во мрак следующих уровней, пока не упремся наконец в каменный пол, оказавшись в том доисторическом времени, когда охотникам на оленей приходилось всеми силами отстаивать в борьбе с дикой и жестокой природой свое право на скудное и убогое существование. Те люди полностью находились под властью животных инстинктов, без которых их жизнь и само существование были совершенно невозможны. Неограниченная власть инстинкта несовместима с мощным и всеохватывающим сознанием. Сознание первобытного человека носит спорадический характер, как сознание ребенка, и его мир так же ограничен, как мир ребенка. В детстве, по филогенетическому закону, повторяется и воспроизводится предыстория расы и вообще рода человеческого. Филогенетически мы выросли из темной тени земли. По этой причине ближайшие по времени факторы стали архетипами; именно эти исконные картины, прайобразы, воздействуют на нас непосредственно и кажутся нам наиболее могущественными. Я говорю «кажутся», ибо то, что психически выглядит наиважнейшим, не обязательно является или, по меньшей мере, остается таковым в объективной реальности.

56 Каковы же относительно непосредственные архетипы? Этот вопрос ведет нас прямо к проблеме архетипических функций – к нашему главному затруднению. Где искать на него ответ? С точки зрения ребенка, с точки зрения первобытного человека или с высоты нашего современного взрослого сознания? Как возможно распознать архетип? Кстати, а когда нас вообще вынудили искать спасение в этой гипотезе?

57 Я бы хотел предложить, чтобы *каждая психическая реакция, несоразмерная порождающей ее причине, была исследована на предмет того, что она одновременно обусловлена неким архетипом*⁴².

58 То, что я имею в виду, мне хотелось бы пояснить примером: некий ребенок испытывает страх перед своей матерью. Когда мы удостоверяемся в том, что у этого страха нет никакого рационального обоснования, например нечистой совести ребенка, властности матери или чего-то подобного, что в остальном ребенок не сталкивался ни с чем таким, что могло бы вызвать у него страх, логично рассматривать эту ситуацию с точки зрения воздействия архетипа. Обычно страхи усиливаются в ночное время и проявляются также в сновидениях. Во сне ребенок видит мать в образе преследующей его ведьмы. Осознаваемым материалом этого сна является сюжет сказки о Гензеле и Гретель. Многие высказывают мнение о том, что детям не надо рассказывать эту сказку, потому что, как считается, она может стать причиной детского страха. Это, конечно, ошибочная рационализация, но в ней все-таки есть доля истины, ибо мотив ведьмы является подходящим выражением детского страха, причем был таковым издавна. Детские ночные страхи – типичное явление, которое выражается – издревле и постоянно – в типовых сказочных мотивах и образах.

59 Между тем сказки суть инфантильные формы легенд, сказаний и суеверий «ночной религии» первобытных людей. То, что я называю «ночной религией», есть форма религиозной магии, цель и смысл которой состоят в контактах с темными силами, бесами, ведьмами, колдунами и духами. Детская сказка в силу филогенетических причин воспроизводит обрывки старой ночной религии, а детский страх является слепком первобытной психологии, филогенетическим реликтом.

60 Тот факт, что этот реликт сохраняет известную жизнеспособность, ни в коем случае не может считаться патологией, поскольку отдельные ночные страхи во вполне цивилизованных условиях даже у взрослых людей, безусловно, не представляют собой признаки болезни. Только чрезмерное усиление или учащение ночных страхов может считаться патологией. Значит, вопрос заключается в следующем: при каких обстоятельствах усиливается эта боязливость? Можно ли усиление и умножение страхов объяснить одним сказочным архетипом ведьмы – или следует привлечь сюда другие обоснования для внятного объяснения?

61 Лишь для небольшого числа аномалий мы вправе считать архетип ответственным за формирование страха; как правило, особо острое, аномальное чувство страха должно вызываться специфическими причинами. Фрейд, как известно, объясняет этот страх столкновением склонности ребенка к инцесту с запретом инцеста. То есть он объясняет страхи с точки зрения ребенка. Наличие у детей «инцестуальных» склонностей в том смысле, в каком употреблял это определение Фрейд, не вызывает у меня ни малейших сомнений. Зато побуждает усомниться другое: можно ли приписывать эти склонности детской психологии *sui generis*⁴³? Есть веские основания считать, что психика ребенка подчинена родительской, прежде всего материнской, в той мере, в какой психику ребенка можно рассматривать как функциональный довесок к психике родителей. Психическая индивидуальность ребенка развивается позже, лишь после того, как у него возникает надежная связность сознания. То, что ребенок сначала говорит о себе в третьем лице, служит, на мой взгляд, доказательством обезличенности его психологии.

⁴² См. мою работу «Инстинкт и бессознательное». – *Примеч. авт.*

⁴³ Как таковой (*лат.*). – *Примеч. ред.*

62 По этой причине я склонен объяснять определенные инцестуальные склонности ребенка, скорее, исходя из психологии родителей (точно так же любые детские неврозы следует в первую очередь соотносить с родительской психологией). Наиболее частым основанием для усиления детского страха оказывается особая «одержимость комплексами», то есть вытеснение некоторых жизненных затруднений и их забвение. Все, что попадает в бессознательное, принимает более или менее архаическую форму. Если, например, мать вытесняет болезненный и возбуждающий страх комплекс, то она воспринимает его как злого духа, который ее преследует, – как «скелет в шкафу», по известному английскому выражению. Эта формулировка указывает на то, что комплекс принял архетипическую форму. Мать находится в угнетенном состоянии, ее мучают ночные кошмары. Независимо от того, рассказывает она ребенку на ночь страшные сказки или нет, своим настроением она заражает ребенка и за счет собственных психологических процессов оживляет архетипические страшные образы в душе ребенка. Возможно, она переживает эротические фантазии в отношении другого мужчины. Ребенок – зримое свидетельство ее супружеской связи. Соппротивление и неприятие этой связи бессознательно направляется на ребенка, которого мать склонна теперь отрицать. На архаической ступени это соответствует детоубийству. Таким образом, мать становится злой ведьмой, пожирающей своих детей.

63 Как и в матери, в ребенке чутко дремлют предпосылки архаических представлений, и та же причина, которая в течение всей истории человечества порождала архетипы и постоянно их воссоздавала, по сей день непрерывно оживляет издревле существующий архетип.

64 Отнюдь не случайно я выбрал именно пример детского проявления архетипа. Непосредственным прообразом тут будет, конечно, мать, во всех отношениях ближайшее и сильнейшее переживание, которое к тому же случается в возрасте наибольшей пластичности человеческой психики (в детском возрасте сознание вообще развито слабо, об индивидуальном переживании не может быть и речи): *мать* является архетипическим переживанием; оно переживается в более или менее бессознательном состоянии, не в виде определенной индивидуальной личности, но как мать, архетип, исполненный несслыханными потенциальными значениями. В дальнейшем в течение жизни это первоначальное представление бледнеет и заменяется осознанным, относительно индивидуализированным образом, о котором складывается мнение, что это единственный образ матери, имеющийся в наличии. В бессознательном, напротив, мать, как и прежде, предстает могущественным прообразом, который на протяжении индивидуальной сознательной жизни окрашивает и даже определяет отношение к женщине, к обществу, к идеальному и материальному, причем так тонко, что сознание, как правило, этого не замечает. Принято считать, что в данном случае речь идет о простых метафорах. Однако перед нами предельно конкретный факт, от которого зависит выбор жены – мужчина выбирает невесту в зависимости от того, похожа она или не похожа на его мать. «Мать Германия» для немца или «прекрасная Франция» для француза – основа политики, которую нельзя недооценивать; упускать ее из вида способны лишь высоколбые интеллектуалы, оторванные от действительности. Всеобъемлющее лоно матери-церкви в столь же малой степени является метафорой, как и мать-земля, мать-природа и «материя» вообще.

65 Архетип матери дан ребенку непосредственно. По мере развития сознания в поле зрения ребенка вступает отец, оживляя архетип, который во многих отношениях противостоит архетипу матери. Как материнский архетип соответствует определению китайского «инь», так архетип отца соответствует определению «ян». Этот архетип формирует отношение к мужчине, к закону и государству, разуму и интеллекту, к динамике природы. «Отчизна» – это границы, определенное местоположение, тогда как почва – материнская земля, дарящая покой и плодородная. Рейн – отец, как и Нил, как ветер, шторм и гром. Отец – деятель и авторитет, отсюда представление о законе и рейхе. Это движитель мироздания, как ветер, который

невидимыми мыслями – воздушными образами – творит и направляет. Это творящее дыхание ветра – пневма, *spiritus*, атман⁴⁴, дух.

66 Иначе говоря, отец тоже воплощает могущественный архетип, живущий в душе ребенка. Это в первую очередь *Отец*, всеохватывающий образ Божества, динамический принцип. На протяжении жизни человека этот авторитарный образ тоже отступает на задний план: отец становится ограниченной, зачастую сугубо человеческой личностью. Напротив, душевный образ отца расширяется во всех возможных значениях. Человек только на сравнительно поздней стадии развития открыл для себя природу – и лишь постепенно открывает для себя закон, государство, долг, ответственность и дух. В той мере, в какой развивающееся сознание становится способным к распознаванию, важность родительских личностей сливается. Однако на место отца становится общество мужчин, а место матери занимает семья.

67 На мой взгляд, неверно будет утверждать, что все, заступающее место родителей, есть замена неизбежной потери родительских прообразов. На самом деле это не просто замена, а уже связанная с родителями действительность, которая одновременно внедряет в душу ребенка родительский прообраз. Согревающая, защищающая, питающая мать олицетворяет также очаг, уютную пещеру или хижину в окружении растений. Мать – дающая пропитание пашня, а ее дитя – божественный хлеб, брат и друг человека. Мать – дающая молоко корова и стадо. Отец ходит где-то поблизости, говорит с другими мужчинами, охотится, путешествует, ведет войну, выплескивает наружу свое плохое настроение, из-за каких-то неясных, непонятных мыслей может, подобно штормовому ветру, внезапно все изменить, перевернуть положение дел. Он – борьба и оружие, он причина всех изменений, бык, который предается насильственным действиям или апатичной лени, образ всех полезных и вредных стихийных сил.

68 Все это очень рано открывается ребенку – отчасти за счет родителей, отчасти через них. Чем больше съезживается и очеловечивается родительский образ, тем явственнее выступает на передний план то, что ранее казалось чем-то несущественным, побочным. Земля, на которой ребенок играл, огонь, у которого он грелся, дождь и ветер, заставлявшие его мерзнуть, всегда были реальностью, но вследствие неразвитости и сумеречного состояния сознания виделись и понимались как родительские свойства. Теперь же, словно из туманной пелены, вещественные и динамические свойства земли становятся самостоятельными силами, что прятались до этого под маской родителей. Именно поэтому они – *не замена, а реальность, соответствующая более высокоразвитому сознанию*.

69 В ходе развития кое-что оказывается утраченным – невосполнимое ощущение непосредственной связи и единства с родителями. Это не просто сентиментальное чувство, а важный психологический факт, который Леви-Брюль – в совершенно ином контексте – назвал «мистической сопричастностью». Факт, обозначаемый этим не очень понятным *eo ipso* (именно поэтому) выражением, играет немаловажную роль не только в первобытной, но и в нашей аналитической психологии. Этот факт – если говорить коротко – воплощает *единение в общем бессознательном*. Надо пояснить: если у двух человек одновременно формируется один и тот же бессознательный комплекс, возникает особый аффект, проекция, определяющая либо взаимное притяжение, либо отторжение. Если я заодно с каким-либо другим человеком не осознаю чего-то важного, то становлюсь частично тождественным тому человеку; следовательно, в его отношении возникает установка, которая возникла бы у меня в отношении комплекса, если бы я его осознавал.

70 Именно такая *participation mystique* существует между родителями и ребенком. Наиболее известный пример – теща, которая, отождествляя себя с дочерью, условно говоря, выходит замуж за зятя; или пример отца, желающего позаботиться о сыне, когда отец наивно принуж-

⁴⁴ Пневма и спиритус – мировой дух, соответственно, у гностиков и алхимиков; атман в древнеиндийской философии – неизменная духовная сущность, высшее «я» человека и прочих живых существ. – *Примеч. ред.*

дает отпрыска исполнять собственные желания – к примеру, в выборе профессии или жены. Сын, отождествляющий себя с отцом, тоже является достаточно распространенной фигурой. Однако наиболее тесная связь всегда имеет место между матерью и дочерью; эту связь порой можно надежно доказать с помощью ассоциативного эксперимента⁴⁵. Хотя *participation mystique* остается неосознаваемой для самого участника, он очень хорошо чувствует, когда эта сопричастность исчезает. Существует известная разница между психологией мужчины, у которого отец жив, и психологией мужчины, отец которого умер. До тех пор, пока мистическая сопричастность родителей имеет место, образ жизни ребенка остается относительно инфантильным. За счет сопричастности жизненные мотивации могут не осознаваться, а потому человек не чувствует себя ответственным за них. Вследствие такой инфантильной неосознанности, бремя жизни становится (или кажется) легче. Человек не одинок, неосознанно он существует вдвоем или втроем. В бессознательном воображении сын находится в лоне матери под защитой отца. Отец возрождается в сыне. Мать омолодила отца, сделав его молодым супругом, и тем самым предотвратила потерю собственной молодости. Я не стану приводить доказательства из первобытной психологии. Думаю, здесь достаточно простого указания.

71 На фоне расширения и возвышения сознания все перечисленное постепенно пропадает. Дальнейшее растяжение родительского образа внешним миром, точнее, вторжение мира в детский туман, устраняет неосознаваемое единство с родителями. Этот процесс выводится в сознание у первобытных народов в ходе обрядов инициации или посвящения в мужчины. Тем самым архетип родителей отступает на задний план. Он, как говорят, больше не «складывается». Разумеется, в известной мере, *participation mystique* имеет место в отношении рода, общества, церкви или нации. Эта сопричастность, впрочем, есть всеобщее и обезличенное достояние, она не дает бессознательному простора для деятельности. Того, кто доверчиво хочет и впредь пребывать в бессознательном и безвредном восприятии действительности, закон и общество быстро пробуждают от спячки. С наступлением половой зрелости возникает возможность новой, *личностной participation mystique*, а вместе с ней появляется возможность замены утраченной, личностной части тождества с родителями. Складывается новый архетип – мужа для жены и жены для мужа. Но обе эти фигуры прятались ранее под масками родительских образов, а теперь выступают вперед, разумеется, под сильным, подчас преобладающим влиянием прообразов. Женский архетип в мужчине я назвал *анимой*, а мужской архетип женщины – *анимусом*. Обоснования этих названий я коснусь ниже.

00 Чем сильнее неосознаваемое влияние родительских образов, тем в большей степени фигура любимого существа будет выбираться в качестве позитивной или негативной замены родителей⁴⁶. Далеко идущее влияние родительских образов не аномально, это широко распространенное явление. Очень важно, что оно наличествует, ибо в противном случае родители не возрождались бы в детях, то есть родительский образ утрачивался бы, а непрерывная преемственность индивидуальной жизни прекращалась. Невозможно взять с собой детство во взрослую жизнь; следовательно, ощущение детства существует в душе неосознанно, что является наилучшей почвой для последующего развития неврозов. Так возникают все те заболевания, которым подвержены исторически новые сущности, будь то индивидуумы или социальные группы.

00 В известном смысле нормально, что в своих брачных предпочтениях люди следуют образцам родителей. Психологически это тоже важно, как важно и некоторое уменьшение числа предков для сохранения чистоты расы. Отсюда возникают непрерывность и преемственность, разумное продолжение жизни прошлого в настоящем. Нездоровыми видятся лишь излишества и скудость в этом отношении. Позитивное или негативное влияние сходства с роди-

⁴⁵ См. мою работу «Психоанализ и ассоциативный эксперимент». – *Примеч. авт.*

⁴⁶ См. мою статью «Отношение эго к бессознательному». – *Примеч. авт.*

телями играет решающую роль в выборе объекта любви, а разрыв с родительским образом, то есть с детством, не бывает полным. Детство именно в силу исторической преемственности должно продолжаться, но не за счет остановки в развитии. Приблизительно в середине жизни гаснут последние огни детских иллюзий – разумеется, только в идеальной жизни, существующей лишь в интеллектуальных построениях (отдельные люди и в могилу сходят с обилием детских реликтов в голове), а из родительского образа проступает архетип взрослого человека, образ мужчины, каким его познает женщина с незапамятных времен, и образ женщины, который вечно носит в себе мужчина.

00 Имеется множество мужчин, которые в состоянии вплоть до мельчайших подробностей рассказать, как выглядит женщина, образ которой они носят в своих душах. При этом я встречал немногих женщин, которые бы могли изложить столь же отчетливый душевный образ мужчины. Как прообраз матери является собирательным образом всех матерей начиная с древнейших времен, так и образ анимы – это сверхиндивидуальный образ с перекрывающимися чертами в представлении многих, очень разных мужчин, в связи с чем из этих представлений можно реконструировать определенный тип женщины. Бросается в глаза, что у этого типа вообще отсутствует признак *материнского* в обычном смысле этого слова. В лучшем случае это спутница и подруга, в худшем же – распутная шлюха. Эти типы часто исчерпывающе описываются со всеми их человеческими и демоническими свойствами в фантастических романах, например: в произведениях Райдера Хаггарда «Она» и «Дочь мудрости» или в романе Бенуа «Атлантида»⁴⁷, фрагментарно в образе Елены во второй части «Фауста», а наиболее выразительно – в гностической легенде о Симоне Волхве, чья карикатура возникает уже в истории деяний апостолов. Симона Волхва в его странствиях повсюду сопровождала девушка по имени Елена, которую он увел из публичного дома в Тире, признав реинкарнацией Елены Троянской. Не могу знать наверняка, насколько осознанно Гете связал историю Елены и Фауста с легендой о Симоне. Эту связь мы находим в романе «Дочь мудрости», где, как мы уверены, осознанной преемственности образа не наблюдается.

76 Отсутствие обычных признаков материнства свидетельствует, с одной стороны, о полном разрыве с образом матери, а с другой стороны, об идее чисто индивидуального мужского отношения, в котором отсутствует умысел на размножение. На современной ступени культуры подавляющее большинство мужчин осознает материнскую значимость женщины, вследствие чего анима никогда не развивается выше инфантильно-примитивного представления о женщине как о блуднице. Отсюда следует, что проституция выступает прежде всего как побочный продукт цивилизованного брака. В легенде о Симоне и во второй части «Фауста» мы находим при этом символы полного взросления. Это взросление сходно с *взрослостью природы*. Христианские и буддийские монахи пытаются достичь того же самого, но умерщвление плоти, полубогини и богини заменяют здесь человеческую личность, которая могла бы принять на себя проекцию анимы.

77 Тут мы вступаем в абсолютно противоречивую область, куда мне сейчас не хотелось бы углубляться. Мы поступим разумно, если вернемся к более элементарным задачам и поговорим о том, как мы вообще пришли к мысли о существовании такого женского архетипа.

78 Пока архетип не проецируется, пока остается заключенным в предмете любви или ненависти, он не до конца тождествен индивидууму и вынуждает последнего изображать себя. В таких обстоятельствах мужчина начинает представлять аниму. В нашем языке давно существует слово, которое прекрасно характеризует эту установку, – «одушевление»⁴⁸. Толковать это слово лучше всего как «одержимость анимой». Речь в данном случае идет о необуз-

⁴⁷ Романы английского писателя Р. Хаггарда, скорее, авантюрные, а вот роман француза П. Бенуа, после которого тема «возвращения атлантов» стала крайне популярной в массовой культуре, действительно можно назвать фантастическим. – Примеч. ред.

⁴⁸ Animosität (нем.), букв. «душевность». – Примеч. ред.

данных эмоциях. Слово *Animosität* употребляют, разумеется, в смысле неприязненной эмоциональности, но на самом деле анима может опираться и на позитивные чувства⁴⁹.

79 Самообладание – типично мужской идеал. Оно достигается за счет вытеснения перепадов настроения. Чувствительность же – специфически женская добродетель; поскольку мужчина для достижения идеала мужественности подавляет в себе все женские черты, которыми он обладает так же, как женщина обладает чертами мужскими, постольку он вытесняет известные душевные движения как проявления женской слабости. Тем самым он накапливает в своем бессознательном женственность, сентиментальность, которые, когда мужчина раскрывается, выдают в нем присутствие женской сущности. Известно, что этим отличаются крайне мужественные мужчины, которые сильнее всего подавляют в себе женские чувства. Данным фактом можно объяснить, с одной стороны, значительное преобладание самоубийств среди мужчин, а с другой стороны, необычную силу духа и твердость, которые проявляют именно самые женственные женщины. Если мы тщательно исследуем несдерживаемые эмоции мужчин и попытаемся реконструировать вероятную личность, которая способна порождать такие эмоции, то, скорее всего, обнаружим женскую фигуру, каковую я и обозначаю как аниму. Отсюда древняя вера о душе в женском роде – *psyche* или *anima*, а церковь в Средние века не без психологических оснований ставила вопрос: «*Habet mulier animam?*» («Есть ли у женщины душа?»)

80 У женщин мы сталкиваемся с противоположным явлением. Если у женщины прорывается анимус, то это не чувство, как у мужчин; женщина начинает спорить и резонерствовать. Чувство анимы является произвольным и подверженным перепадам настроения, а женские доводы видятся нелогичными и неразумными. Анимус всегда прав, за ним всегда остается последнее слово, а свои рассуждения он заканчивает утверждением «именно потому». Анима – иррациональное чувство, анимус же – иррациональное суждение.

81 Насколько подсказывает мой опыт, мужчина всегда лучше понимает, что подразумевает анима, даже подчас составляет себе отчетливый ее образ и способен среди большого числа женщин указать каждый раз ту, которая ближе всего подходит к его типу анимы. Однако лишь с немалым трудом я находил женщин, которые могли бы внятно изложить, что такое анимус, и не наблюдал ни одного случая, когда женщина могла бы указать на конкретную личность с таким анимусом. Отсюда я сделал вывод, что анимус, очевидно, не является определенной мыслимой личностью; иными словами, это не какая-то индивидуальность, а некое множество. Этот факт должен быть связан с особенностями мужской и женской психологии. На биологической ступени главный интерес женщины заключается в том, чтобы удержать одного мужчину, тогда как главный интерес мужчины состоит в том, чтобы завоевать женщину, но по своей природе мужчина редко довольствуется единичным завоеванием. Выходит, для женщины мужская личность играет решающую роль; отношение мужчины к женщине определено значительно меньше, то есть мужчина может видеть «свою» женщину лишь как одну из многих других. Поэтому для мужчины важен юридический и социальный характер брака, в то время как женщина усматривает в нем исключительно личностные отношения. Как правило, сознание женщины замыкается на одном мужчине, а вот сознание мужчины обладает склонностью к расширению, выходящему за пределы личного, каковое в определенных обстоятельствах может стать для мужчины противным. В бессознательном мы, в таком случае, должны ожидать компенсации через противоположность. Получается, что относительно четко очерченная фигура анимы у мужчины наилучшим образом соответствует неопределенному полиморфизму анимуса у женщины.

82 Описание анимы и анимуса, предложенное мною, по необходимости коротко. Но я слишком бы увлекся своим описанием, трактуя аниму просто как прообраз женщины, возникающий, по сути, из иррационального чувства, а анимус – как прообраз мужчины, возникающий

⁴⁹ См. нашу с Р. Вильгельмом совместную работу «Тайна золотого цветка». – Примеч. авт.

из понимания. Обе фигуры символизируют более широкую проблему, они суть праформы тех психических явлений, что с незапамятных времен обозначаются общим определением *душа* и выступают причиной человеческой потребности вообще говорить о душах или демонах.

83 Никакое автономное психическое образование не является ни безличным, ни объективным. Это категория сознания. Все автономные психические факторы носят личностный характер, будь то голоса, которые слышат душевнобольные, или медиумы, повелевающие духами, и мистики с их видениями. Аниме и анимусу тоже присущ личностный характер, который можно выразить только словом «душа».

84 Здесь я хотел бы предвосхитить возможное недопонимание. Понятие души, к которому я прибегаю, соответствует, скорее, первобытному воззрению, например понятиям душ ба и ка⁵⁰ у древних египтян, а не христианской идее «души», каковая представляет собой попытку создать философское понятие о метафизической индивидуальной субстанции. С этим последним мое чисто феноменологическое понятие души не имеет ничего общего. Я не привлекаю к своим рассуждениям психологическую мистику, а лишь стремлюсь понять с научной точки зрения психологические прафеномены, лежащие в основаниях веры в душу.

85 Поскольку этот свод фактов об анимусе и аниме в наибольшей степени соответствует тому, что во все времена у всех народов описывалось как душа, постольку нет ничего удивительного в том, что оба эти комплекса насквозь пропитываются мистической атмосферой, едва мы подбираемся ближе к их содержанию. Там, где проецируется анима, тотчас возникает замечательное историческое чувство, которое Гете облек в такие слова: «Ах когда-то – как давно то было! – ты сестрой была мне иль женой»⁵¹. Райдер Хаггард и Бенуа отправляются в мысленное путешествие в Грецию или Египет, чтобы удовлетворить это неизбежное историческое чувство.

86 Примечательно, что анимус, насколько могу судить по моему опыту, лишен и налета этого мистического историзма. Можно, наверное, сказать, что анимус в большей степени занят настоящим или будущим. Он обладает, скорее, законодательной функцией, охотно вещает о том, каким все должно быть – или хотя бы задает некое понимание, не терпящее возражений, понимание всего смутного и противоречивого, тем самым как бы вынуждая женщин отвергать всякое более обширное, возможно, слишком болезненное размышление.

87 Опять-таки я могу объяснить эту разницу только за счет компенсации противоположностей. Мужчина в своем сознании планирует все действия заранее и пытается творить будущее, но типично женской чертой является склонность ломать голову над тем, кто кому приходится двоюродной тетей. Именно эта женская склонность к генеалогии очень отчетливо выступает у Райдера Хаггарда с его чисто английской сентиментальностью, тогда как у Бенуа та же склонность приобретает пикантную нотку *chronique familiale et scan-daleuse*⁵². Намеки на реинкарнацию в форме иррационального чувства очень прочно связаны с анимой, в то время как женщина то же чувство при известных условиях признает осознанно, если не чересчур подвержена мужскому рационализму.

88 Историческое чувство всегда обладает значимостью и фатальностью, а потому заставляет задумываться о бессмертии и божественности. Даже у рационального скептика Бенуа умершие от любви посредством особо действенного способа мумификации обретают вечность, не говоря уже о пылком мистицизме Райдера Хаггарда (роман «Возвращение Айши» вообще может считаться показательнейшим психологическим документом).

⁵⁰ Согласно древнеегипетским воззрениям, душа ба – жизненная сущность в виде птицы с головой человека, совесть; душа ка – жизненная сила, черты характера или судьба человека; после смерти человека она покидает его тело, бродит по земле и вновь возвращается. – *Примеч. ред.*

⁵¹ Шарлотте фон Штейн / Перевод В. Левика. – *Примеч. ред.*

⁵² Семейной скандальной хроники (*фр.*). – *Примеч. ред.*

89 Так как анимус сам по себе не есть ни чувство, ни склонность, то описанные выше качества у него отсутствуют полностью, но по своей глубинной сути он все же является историческим. Для анимуса, к сожалению, не существует хороших литературных иллюстраций, так как женщины пишут реже мужчин, а когда пишут, то не прибегают, увы, к наивной интроспекции – по меньшей мере, предпочитают складывать результаты этой интроспекции, образно выражаясь, в другой ящик, потому, быть может, что с нею не связано никакое чувство. Мне известен всего один непредвзятый документ такого рода – роман Мэри Хэй⁵³ «Злой вертоград». В этой совершенно непритязательной истории исторический момент анимуса предстает в мастерски предъявленной оболочке (полагаю, это произошло непреднамеренно).

90 Анимус состоит из бессознательной предпосылки *незапланированного суждения*, существующей априорно. Наличие такого суждения можно вывести из того способа, каким сознание формирует установку на известные действия. Здесь следует привести небольшой пример: мать окружила своего сына всяческой заботой и страстно его лелеяла, но в результате сразу после пубертата мальчик превратился в невротика. Причина этой бессмысленной установки распознается очень легко. Уже первый анализ позволил выявить присутствие неосознаваемой догмы, которая гласила: мой сын – грядущий мессия. Это в высшей степени типичский случай распространенного среди женщин героического архетипа, который проецируется на отца, мужа или сына в форме понятия, неосознанно руководящего поступками такой женщины. Прелестный и общеизвестный пример – это Анни Безант⁵⁴, открывшая миру спасителя.

91 В истории Мэри Хэй героиня доводит мужа до сумасшествия за счет своей установки, истекающей из неосознанной и ни разу не высказанной вслух предпосылки, что он – отвратительный тиран, который держит ее словно в тюрьме, как... Это неоконченное «как» она уступает мужу, который отыскивает подходящую фигуру одного из тиранов эпохи чинквеченто⁵⁵ и на этой почве лишается рассудка. Здесь анимус ни в коем случае не лишен исторического характера. Но проявляется он в форме, разительно отличной от формы проявления анимы. Да и в религиозном выражении мера понимания преобладает над мерой чувства мужчины.

92 В заключение хочу добавить, что анима и анимус – не единственные автономные фигуры или «души» бессознательного. Зато они точно первые и важнейшие. Так как я, однако, хочу осветить еще одну сторону проблемы земной обусловленности, то, пожалуй, на сем мы оставим эту трудную область внутреннего опыта и обратимся к той стороне, где нам не придется мучительно копать в темных основах, но где мы сможем взглянуть на широкий мир обыденных явлений.

93 Земная обусловленность в процессе развития сформировала человеческую душу, и мы вполне в состоянии здесь и сейчас, буквально на глазах, повторить этот процесс. Давайте мысленно перенесем значительную часть европейской расы на чуждую почву и в другой климат; так мы получим право ожидать, что эта группа людей, даже без смешения с чужой кровью, за несколько поколений претерпит известные изменения в своей психической, а возможно, и в физической природе. В первом приближении мы можем наблюдать заметные различия среди евреев в разных европейских странах, и различия эти можно объяснять свойствами народа-«хозяина». Нетрудно отличить испанских евреев от североафриканских, а немецких от русских. Можно даже провести различие среди русских евреев, например, между польскими и северно-русскими евреями, или евреями кавказского и казацкого типа. Несмотря на всю расовую схожесть, между ними существуют заметные различия, причина которых неясна. В выс-

⁵³ Британская писательница, автор «светских» романов. – *Примеч. ред.*

⁵⁴ Английская суфражистка-эзотерик, второй президент Теософского общества (после Г. С. Олкотта); спаситель – грядущий Мировой Учитель, новый Мессия. – *Примеч. ред.*

⁵⁵ То есть в период Позднего Возрождения. – *Примеч. ред.*

шей степени непросто точно определить эти различия, хотя любой знаток людей чувствует их, что называется, «нутром».

94 Крупнейший эксперимент по перемещению народа в Новейшее время заключался в заселении Североамериканского континента преимущественно людьми германского происхождения. Так как климатические условия там отличаются от европейских, можно было бы ожидать разнообразных изменений исходного типа. Смешение с американскими индейцами фактически отсутствовало и не сыграло никакой роли в этом процессе. Боас⁵⁶ считает, что ему удалось доказать, будто уже у второго поколения переселенцев произошли анатомические изменения, главным образом изменения размеров черепа. Так или иначе, у переселенцев антропологического типа, характерного для янки, возникли черты столь характерные для американских индейцев, что я, будучи впервые на Среднем Западе и наблюдая поток сотен рабочих, что шли мимо меня из ворот фабрики, сказал своему спутнику – мол, никогда не думал, что у американцев так высок процент индейской крови. На это он со смехом ответил: готов спорить на что угодно, что в жилах всех этих сотен людей нет ни капли индейской крови. Это случилось много лет назад, когда я еще не имел представления о примечательной «индианизации» американского населения. Я ближе познакомился с этой тайной, когда занимался аналитической работой и обследовал множество американцев. Именно тогда выявились их достойные удивления отличия от европейцев.

95 Кроме того, мне бросилось в глаза сильное влияние негров, естественно, психологическое влияние, без смешения крови. Проявления эмоций у американцев, в первую очередь их смех, можно изучать по иллюстрированным приложениям к американским газетам; прайформу неподражаемого смеха Рузвельта можно обнаружить у американских негров. Своеобразная походка с расслаблением суставов или с покачиванием бедрами, характерная для многих американок, тоже заимствована у негров. Американская музыка главное свое вдохновение черпает у негров, как и танцы. Проявления религиозного чувства, *revival meetings* (*Holy Rollers* и прочие аномалии⁵⁷), также находятся под сильным негритянским влиянием, а всем известную знаменитую американскую наивность, как в ее очаровательных, так и в менее приятных формах, можно сравнить с негритянской детскостью мышления. Характерный для большинства американцев необычайно живой темперамент, проявляющийся не только во время бейсбольных матчей, но в особенности в чрезмерно восторженных речевых оборотах – самым показательным примером тут будет непрерывный и безбрежный поток болтовни, примета американских газет, – едва ли можно считать наследием германских предков; скорее, он больше похож на *chattering* (болтовню) негритянских деревень. Почти полное отсутствие интимности и всеобщая массовая общительность напоминают первобытную жизнь в открытых хижинах при полном тождестве всех представителей племени. Мне показалось, что во всех американских домах все двери всегда стоят нараспашку, а в американских малых городках не найти садовых оград. Кажется, что там все вокруг – улица.

96 Разумеется, трудно с полной определенностью установить, что из перечисленного следует приписать симбиозу с неграми, а что отнести на счет местных обстоятельств, – ведь Америка до сих пор остается *pioneering nation* (народом первопроходцев) на девственной территории. Но в общем и целом невозможно не заметить значимого влияния негров на народный характер.

97 Это «заражение» первобытностью можно с равным успехом наблюдать и в других странах, пусть не в той мере и в другой форме. Например, в Африке численность белых пре-

⁵⁶ Ф. Боас – американский этнограф и лингвист, один из основоположников современной антропологии. – *Примеч. ред.*

⁵⁷ *Revival meetings* – букв. «встречи возрождения», принятые среди американских протестантов собрания для приема новых прихожан и призыва к грешникам раскаяться. *Holy Rollers* – букв. «святые скакуны», уничижительное обозначение участников протестантских собраний, которые в ходе церемоний пускались в пляс, потрясали конечностями и совершали иные судорожные движения. – *Примеч. ред.*

небрежимо мала в сравнении с численностью негров, и белое население вынуждено соблюдать все меры предосторожности, чтобы не допустить так называемого *going black* (букв. «почернения». – *Ред.*). Если белые поддадутся негритянскому влиянию, они погибнут. В Америке же негры ввиду своей малочисленности оказывают не дегенеративное, но своеобразное влияние, которое в общих чертах ни в коем случае нельзя назвать неблагоприятным, если, конечно, не страдать джазофобией⁵⁸.

98 Примечательно то обстоятельство, что американцы практически ничего не заимствовали у индейцев. Упомянутое выше физиогномическое сходство вовсе не указывает на Африку, являясь специфически американским. Может быть, тело реагирует на Америку, а душа – на Африку? На этот вопрос могу ответить, что негры точно повлияли на внешние манеры американцев, но что касается души, здесь нужны дополнительные исследования.

99 Вполне естественно, что в сновидениях моих американских пациентов негр как выражение низменной стороны их души играет немалую роль. Европейцу в такой ситуации будут сниться бродяги или другие представители низших слоев общества. Но в подавляющем большинстве случаев сновидения, в особенности те, которые сняты в начале курса анализа, являются поверхностными. Только при дальнейшем развитии и углублении анализа в сновидениях появляются символы, состоящие в связи с индейцами. Очевидной склонностью бессознательного, иными словами, героическим мотивом выступает выбор индейца как символа. Так, на некоторых монетах Федерации⁵⁹ отчеканена голова индейца, что отражает уважительное отношение к прежде ненавидимому, а теперь умиротворенному индейцу. Одновременно голова выражает упомянутый выше выбор американцами индейца в качестве идеальной фигуры героического мотива. Понятно, что ни одному американскому правительству не пришло бы на ум поместить на монету профиль Кечвайо⁶⁰ или другого негритянского героя. Монархические государства всегда охотно чеканили на монетах профили августейших особ, а государства демократические любят другие символы. Один отличный пример американской героической фантазии я привел в моей книге «Символы трансформации», но могу привести еще десятки подобных примеров.

100 Герой всегда воплощает наивысшее и сильнейшее устремление – по меньшей мере, показывает, каким должно быть это устремление, которое хочется осуществить. Поэтому всегда важно, какая фантазия наполняет героический мотив. В американской героической фантазии главную роль играет индейский характер. Американское отношение к спорту выходит далеко за пределы европейской размеренности. Только индейские ритуалы инициации могут поспорить своей грубостью и жестокостью с беспощадными американскими спортивными тренировками. Именно этим обусловлены поразительные достижения американского спорта. Во всем, чего американец хочет на самом деле, непременно обнаруживается индеец, будь то чрезвычайная сосредоточенность на цели, упорство при ее достижении, умение стойко переносить трудности или что-то еще. Здесь в полной силе выступают легендарные индейские добродетели⁶¹.

101 Героический мотив имеет отношение не только к общей жизненной установке, но и к религиозной составляющей. Абсолютная установка всегда религиозна; в том же, в чем человек абсолютен, проявляется его религия. Работая с моими американскими пациентами, я обнаружил, что их героическая фигура характеризуется индейской, если угодно, религиозностью. Важнейшей фигурой индейской религиозной формы является шаман, врач и заклинатель духов. Первым, понемногу покоряющим Европу американским изобретением в этой обла-

⁵⁸ Работа написана в годы, когда джаз стремительно приобретал популярность, но все еще считался «недостойным» искусством. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ Имеется в виду монета Конфедеративных штатов Америки, или американского Юга. – *Примеч. ред.*

⁶⁰ Верховный правитель зулусов, предводитель своего народа в англо-зулусской войне 1879 г. – *Примеч. ред.*

⁶¹ См. мою работу «О негритянском и индейском поведении». – *Примеч. авт.*

сти стал спиритизм, вторым – «Христианская наука»⁶² и прочие разновидности «душевного исцеления». Суть «Христианской науки» состоит в произнесении заклинаний, уничтожающих демонов болезни; своенравное тело умиряется соответствующими формулами, а соответствующая более высокому культурному уровню христианская религия используется для волшебного исцеления. Нищета духовного содержания ужасает, но «Христианская наука» живуча, обладает укорененной, поистине первобытной силой и совершает те чудеса, которых верующие напрасно ищут в официальной церкви.

102 Не существует в мире другой такой страны, где «волшебное слово», формула заклинания, называемая здесь «слоганом», оказывали бы такое мощное воздействие, как в Америке. Европейец смеется над этим, но забывает, что вера в волшебную силу слова сдвигает не только горы. Собственно, и Христос был словом. Эта психология стала нам чуждой. В американцах же она уцелела. Поэтому никто не знает, что еще совершит Америка.

103 Американец являет нам дикий образ – образ европейца с негритянскими манерами и индейской душой. Он разделяет судьбу всех узурпаторов чужой земли. Некоторые австралийские аборигены утверждают, что невозможно присвоить чуждую почву, ибо на ней обитают духи чужих предков, поэтому новорожденные впитывают в себя именно это наследие. В этом поверье прячется великая психологическая истина. Чужая земля ассимилирует завоевателя. Правда, в отличие от латинских завоевателей⁶³ Центральной и Южной Америки североамериканцы с их упорным пуританизмом сохранили свой европейский уровень; но они не смогли воспрепятствовать тому, что души индейских врагов стали их душами. Девственная почва имеет то свойство, что, по крайней мере, бессознательное завоевателя опускается на ступень автохтонного жителя. Таким образом, в американце налицо дистанция между сознательным и бессознательным, которой нет у европейца, налицо напряжение между осознаваемой высочайшей культурой и вопиющей неосознаваемой первобытностью. Это напряжение порождает психический потенциал, который сообщает американцу несокрушимую предприимчивость и завидный энтузиазм, чуждый Европе. Именно благодаря подчиненности духам наших предков, то есть тому факту, что для нас все происходящее обусловлено исторически, мы сохраняем контакт с нашим бессознательным, но этот контакт захватывает нас и в такой мере загоняет в историческую обусловленность, что потребуются грандиозные катастрофы, пока мы не соберемся с силами и не перестанем в политике вести себя так, как вели и пятьсот лет назад. Контакт с бессознательным приковывает нас к земле и делает малоподвижными и неповоротливыми; имея в виду желательные для нас развитие и подвижность, контакт с бессознательным не дает нам никаких преимуществ. Но мне не хотелось бы слишком плохо отзываться о нашем отношении к благой матери-земле. *Plurimi pertransibunt*⁶⁴, но тот, кто останется, приобретет долговечность и устойчивость. Отчуждение от бессознательного, отрыв от исторической обусловленности чреват *лишением корней*. Эта опасность подстерегает завоевателя чужой земли; но она же угрожает и индивидууму, который в силу односторонней приверженности очередному «-изму» утрачивает связь с темным, материнским, исконно земным основанием своего существования.

⁶² Американское религиозное течение, ратует за духовное исцеление верующих посредством «пробуждения мышления». – Примеч. ред.

⁶³ То есть католиков – испанцев, французов и португальцев. – Примеч. ред.

⁶⁴ Многие придут и уйдут (лат.). – Примеч. ред.

III. Архаический человек⁶⁵

104 Архаическим называют все первоначальное, исконное. Сказать что-то основополагающее о современном цивилизованном человеке – самая трудная, самая неблагодарная из всех мыслимых задач, ибо высказываются об этом те, кто ограничен теми же предпосылками и теми же предубеждениями, что и люди, о которых суждение высказывают. Однако, говоря об архаическом человеке, мы находимся в очевидно более благоприятном положении. Время отделило нас от его мира, мы превосходим его степень духовной дифференциации и потому имеем возможность взглянуть на него самого, его разум и его мир с более высокой точки развития.

105 Фактически я уже задал предмету моего доклада определенное ограничение, без которого было бы невозможно набросать более или менее полный образ душевного облика архаического человека. Именно этим образом мне хотелось бы и ограничиться, в связи с чем я исключаю из моего рассмотрения антропологию первобытных людей⁶⁶. Когда мы говорим о человеке вообще, то имеем в виду не его анатомию, форму черепа и цвет кожи, а в первую очередь его человечески-душевный мир, сознание и образ жизни. Это и есть предмет психологии. Следовательно, мы сейчас займемся архаической или, иными словами, первобытной психологией. Несмотря на такое ограничение, мы тем самым расширяем нашу тему, ибо архаическая психология – это не только психология первобытных людей, но также психология современного цивилизованного человека; не только ее атавистические проявления у отдельных индивидуумов в современном обществе, но в большей степени психология каждого современного человека, который, независимо от возвышенности сознания, в глубочайших слоях своей психики все еще является человеком архаическим. Как наше физическое тело есть тело млекопитающего животного, в котором в полной мере проявляется целый ряд реликтовых признаков более раннего холоднокровного состояния, так и наша душа есть плод развития: если проследить до первоначал ее историю, мы обнаружим в ее нынешнем состоянии бесчисленные архаизмы.

106 Впрочем, признаю, что при первом столкновении с первобытным человеком или когда изучаешь научные труды по первобытной психологии возникает неподдельное ощущение странности и необычности архаичного человека. Леви-Брюль⁶⁷, признанный авторитет в области первобытной психологии, без устали подчеркивает это разительное отличие *état prélogique* (дологического состояния) от нашего современного сознания. Ему как человеку цивилизованному представляется поистине непостижимым тот факт, что первобытный человек умудряется не замечать очевидных результатов опыта и, прибегая к прямому отрицанию осязаемых причин, считает свои *représentations collectives* (коллективные представления) само собой разумеющейся данностью, вместо того чтобы объяснить их случайностью или какими-либо разумными причинами. Под *représentations collectives* Леви-Брюль понимает распространенные всеобщие идеи, имеющие характер априорной истины, такие, например, как духи, колдовство, искусство исцеления и т. д. Скажем, тот факт, что люди умирают от старости или от смертельных, по общему признанию, болезней, является для нас само собой разумеющимся, а для первобытного человека – нет. Ни один человек не умирает от старости: дикарь резонно возражает, что некоторые люди доживают до весьма почтенного возраста. Ни один человек не умирает от какой-либо болезни, ибо вот такие-то и такие-то от этой болезни либо выздоровели, либо

⁶⁵ Доклад, прочитанный в читательском кружке Гёттингена в Цюрихе в октябре 1930 г. Переработанный вариант под тем же названием опубликован в: «Seelenprobleme der Gegenwart». – *Примеч. ред.*

⁶⁶ Имеется в виду физическая антропология. – *Примеч. ред.*

⁶⁷ Л. Леви-Брюль – французский философ и этнолог, выдвинул теорию «дологического» первобытного мышления. – *Примеч. ред.*

вообще ею не заболели. Истинной причиной для него всегда выступает магия. Человека убивает либо дух, либо волшебство. Многие вообще считают естественной только смерть в бою. Другие, правда, признают и эту смерть искусственной, ибо противник оказывается колдуном или пользуется заколдованным оружием. В ряде случаев эта гротескная идея принимает крайне своеобразную, даже вычурную форму. Как-то один европеец застрелил крокодила, в желудке которого обнаружили два ножных браслета. Туземцы сразу поняли, что эти браслеты принадлежали двум женщинам, которых сожрал крокодил. Тотчас поднялся крик о колдовстве, и этот, вполне объяснимый с точки зрения европейца несчастный случай, за счет первобытных представлений («коллективных представлений», по Леви-Брюлю), получил совершенно неожиданное объяснение: будто бы какой-то неизвестный колдун позвал к себе крокодила и попросил поймать этих двух женщин и доставить ему, и будто бы крокодил эту просьбу выполнил. Но как быть с двумя ножными браслетами в желудке крокодила? Аборигены объяснили, что крокодилы не едят людей, если их об этом не просят. Браслеты крокодил получил от колдуна как вознаграждение за поимку женщин.

107 Этот ценный и показательный случай является наглядным образчиком произвольности объяснения в рамках *état prélogique* – видимо, потому, что нам это объяснение представляется абсурдно алогичным. Но мы считаем его таковым лишь потому, что в своих суждениях исходим из совершенно иных предпосылок, нежели первобытные люди. Если бы мы, подобно первобытному человеку, были искренне убеждены в истинности существования колдунов и других таинственных сил (как убеждены в существовании так называемых естественных причин), то такая последовательность причин и следствий виделась бы нам совершенно логичной. По сути, первобытный человек не более и не менее логичен, нежели мы сами. У него просто иные предпосылки. В этом и кроется все отличие. Первобытный человек мыслит и живет, опираясь на иную систему ценностей. Все, что происходит не вписываясь в привычный порядок вещей, все, что поэтому беспокоит, пугает или удивляет, сводится для первобытного человека к области явлений, которые мы сегодня признаем сверхъестественными. Причем для него в этом нет ничего сверхъестественного, это обыденность чувственно воспринимаемого мира. Для нас, к примеру, естественным будет следующее объяснение: дом сгорел, потому что в него ударила молния и подожгла. Для первобытного человека столь же естественно будет сказать: колдун воспользовался молнией для того, чтобы поджечь именно этот дом. Таким образом, в мире первобытного человека не существует ничего, что, будучи в известной мере необычным или поразительным, не имело бы тех или иных принципиально сходных объяснений. Однако поступает он в точности как мы – не анализирует свои предпосылки. Для него априори ясно, что болезни и другие бедствия обусловлены влиянием духов или колдовством, а нам с самого начала понятно, что болезнь имеет так называемую естественную причину. Мы столь же мало помышляем о колдовстве, как он – о естественных причинах. Его духовная работа, в себе и для себя, принципиально ничем не отличается от нашей. Различие, как я уже говорил, состоит исключительно в предпосылках.

108 Высказывалось предположение, будто первобытным людям присущи другие чувства и другая мораль, так сказать, в известной мере, другая душа, иной нрав. То есть что их мораль принципиально отличается от нашей. Один негритянский вождь, когда его спросили о разнице между добром и злом, ответил: когда я отнимаю у врага его жен – это благо, а когда он похищает жен у меня – это зло. Во многих местах наступить на тень человека значит смертельно его оскорбить; еще, например, непростительным грехом будет снимать шкуру с тюленя железным, а не кремневым ножом. Но давайте проявим честность: разве у нас не считается грехом есть рыбу с помощью ножа? Или находиться в помещении в головном уборе? Здороваться с дамой, не вынув сигару изо рта? Словом, среди нас, как и у первобытных дикарей, многое признается несовместимым с этическими правилами. Существуют храбрые и верные охотники за головами, а также те, кто благочестиво и добросовестно исполняет жестокие ритуалы, совер-

шает убийства из самых святых убеждений; все, чем мы восхищаемся в верности этическим позициям, имеет место и у первобытных людей. Добро для них такое же благо, как и для нас, а зло ничуть не лучше нашего зла. Иными являются только формы, но этические функции неизменны.

109 Высказывалось также мнение, согласно которому чувства первобытного человека острее наших и вообще отличаются. Это лишь профессиональное отличие ощущения места, а также слуха и зрения. Если дикарь сталкивается с чем-то, что выходит за пределы привычного восприятия, он становится на удивление медлительным и неуклюжим. Я показывал прирожденным охотникам, обладавшим орлиным зрением, иллюстрированные журналы, в которых у нас каждый ребенок тотчас распознает изображения человеческих фигур. Мои охотники равнодушно листали страницы, пока наконец один из них, проведя пальцем, вдруг не воскликнул: «Это же белые люди!» Данному открытию он от души, как младенец, обрадовался.

110 Часто мнящаяся неправдоподобной способность первобытного человека чувствовать свое местонахождение является, по существу, профессиональной и объясняется абсолютной необходимостью правильно ориентироваться в диких лесах и саваннах. Даже европеец после недолгого пребывания в таких условиях – из страха заблудиться, несмотря на компас, – начинает обращать внимание на приметы, о которых ранее не помышлял даже во сне.

111 Нет никаких данных о том, что первобытный человек мыслит, чувствует или воспринимает мир иначе, чем мы. Душевные функции у него, в сущности, точно такие же, однако картина мира отличается кардинально. При этом относительно небольшое значение имеет то, что объем его сознания кажется меньше нашего или что он плохо умеет (если вообще умеет) сосредоточиваться на духовной деятельности. Разумеется, последнее представляется европейцу странным. Так, я никогда не мог продолжать беседы с дикарями дольше двух часов, по истечении этого времени люди признавались, что страшно устали. Такой продолжительный разговор был для них слишком утомительным, хотя велся в непринужденной обстановке и я задавал простейшие вопросы. Однако те же люди на охоте или в длительных пеших переходах выказывали удивительную концентрацию внимания и невероятную выносливость. Например, мой рассыльный мог без отдыха пробежать отрезок пути в 120 километров; я видел женщину на шестом месяце беременности, которая с маленьким ребенком на спине, покуривая трубку, почти всю ночь при 34 градусах Цельсия плясала у пылающего костра, не демонстрируя ни малейших признаков утомления. Значит, первобытным людям нельзя отказать в способности сосредоточивать внимание: они применяют ее выборочно, к тому, что их действительно интересует. Мы сами, когда вынуждены сосредоточиваться на чем-то скучном, очень скоро замечаем, сколь мала наша способность к концентрации внимания. То есть мы зависим от эмоциональных побуждений не в меньшей степени, чем первобытные люди.

112 Несомненно, что люди первобытные воспринимают мир проще и более по-детски, чем мы, – как добро, так и зло. Но это несколько не удивляет. Соприкасаясь с миром архаического человека, мы видим в нем иную чудовищную странность. Насколько мне удалось проанализировать свои ощущения, главная странность заключается в том, что картина мира архаичного человека по самой своей сути отличается от нашей, то есть, иными словами, первобытный человек живет в другом мире, не совпадающем с нашим. В итоге его душа кажется неразрешимой загадкой до тех пор, пока мы не увидим мир его глазами. Если это удастся, все заметно упрощается. Точно так же мы можем утверждать, что, осознав собственную картину мира, мы сразу перестанем видеть в первобытном человеке загадку.

113 Наша главная рациональная предпосылка заключается в том, что все на свете имеет свои естественные, материальные причины. В этом мы убеждены априори. Причинность в таком смысле является одной из наших священных догм. В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных и так называемых сверхъестественных сил; тем не менее, мы вслед за современными физиками опускаемся в темный и тесный мир внутренностей атома,

где, по представлениям науки, происходит нечто странное. Однако эта область от нас очень далека. Мы настроены откровенно враждебно в отношении незримых произвольных сил; ибо совсем недавно сумели покинуть тот исполненный страха мир сновидений и суеверий и воздвигли остов, достойный нашего рационального сознания, сознания юного и вновь сотворенного человека. Нас окружает космос, подчиняющийся разумным законам. Несмотря на то, что не все причины всех явлений нам известны, они неизбежно будут открыты и, несомненно, станут соответствовать нашим разумным ожиданиям. Такова наша не подвергаемая сомнению надежда. Конечно, бывают случайности, но это именно случайности, и мы нисколько не сомневаемся в их безусловной причинности. Случайности противны любящему порядок сознанию. Они смехотворно и потому досадно нарушают закономерный ход мировых событий. Мы возмущаемся случайностями точно так же, как негодуем на незримые произвольные силы. Случайности слишком сильно напоминают нам пресловутых бесов – или самоволие бога из машины. Это злейшие враги наших тщательных расчетов, они несут постоянную угрозу всем нашим предприятиям и начинаниям. Они, как признается, неразумны, заслуживают всяческого порицания, но нельзя не обращать на них внимания. Араб в этом отношении более уважителен. В каждом письме он пишет: «Иншалла», – подразумевая, что, если Богу будет угодно, письмо дойдет до адресата. Вопреки всякому возмущению, всем обидам, всей нерушимости физических законов, мы всегда и всюду подвержены действию непредвиденных случайностей. Но что может быть более невидимым и произвольным, нежели случайность? Что может быть неизбежнее и фатальнее?

114 Мы могли бы – с чем все согласны – с тем же успехом сказать: закономерность, причинное течение событий – это теория, которая соблюдается лишь на пятьдесят процентов, а остальные пятьдесят процентов приходятся на волю демонического случая. Несомненно, однако, что и случайности имеют вполне естественные причины, банальность которых мы, к великому сожалению, открываем слишком часто. Но мы в этих случаях охотно пренебрегаем причинностью, ибо самое раздражающее в случайности есть нечто совершенно другое; а именно то, что она необходимо происходит здесь и сейчас, иными словами, что она, так сказать, произвольна. По крайней мере, действует она именно так, и при известных обстоятельствах ее проклинает и самый прожженный рационалист. Предпочтительное толкование случайности ни в коей мере не отменяет факта ее власти и могущества. Чем больше упорядочены условия бытия, тем сильнее исключается из жизни случайность и тем меньше нужда в защите от нее. Однако практически каждый человек остерегается случайности или, наоборот, надеется на нее, хотя наш официальный символ веры не имеет оговорки относительно случайностей.

115 Такова наша предпосылка: положительная убежденность в том, что все воспринимаемое нами должно иметь, хотя бы в теории, так называемые естественные причины. Но предпосылка первобытного человека иная: все возникает благодаря невидимой произвольной силе, иными словами, все на свете происходит случайно; правда, первобытный человек называет это не случайностью, а умыслом. Естественная причинность – лишь видимость, поэтому она не заслуживает даже упоминания. Если три женщины идут к реке, чтобы зачерпнуть воды, и крокодил хватает среднюю из них и уволакивает под воду, то, с нашей точки зрения, выбор конкретной женщины определяется случаем, а вот сам факт нападения представляется естественным, потому что крокодилы иногда пожирают людей.

116 Этим объяснением ситуация полностью исчерпывается. Но оно ничего не говорит о подоплеке этой ужасной истории. С полным правом архаический человек находит это объяснение поверхностным, если не вовсе абсурдным, ибо при таком взгляде на мир можно с равным успехом сказать, будто вообще ничего не произошло, и такое объяснение вполне годилось бы здесь. Европейец попросту не видит и не понимает, как мало говорит такое объяснение. Он подвержен предрассудкам.

117 Первобытный человек в этом отношении более требователен. Для него в том, что мы называем случайностью, всегда таится умысел. Поэтому очевидным умыслом крокодила было схватить именно среднюю из трех женщин, что очевидно любому. Если бы у крокодила не было такого умысла, он схватил бы какую-то другую из женщин. Но откуда у крокодила такое намерение? Обычно крокодилы не едят людей. Это истина, такая же истина, что в Сахаре обычно не бывает дождей. Крокодилы – робкие и пугливые создания. В сравнении с огромным числом крокодилов число погубленных ими людей пренебрежимо мало. Значит, гибель в пасти крокодила неестественна и неожиданна. Это нужно каким-то образом объяснить: от кого крокодил получил приказ убить эту женщину? Ибо по своей воле он, как правило, так не поступает.

118 Первобытный человек во многом обосновывает свое мнение фактами окружающего мира и с полным правом удивляется и спрашивает о специфических причинах, когда происходит что-то неожиданное. В общем, он ведет себя точно так же, как мы. Правда, он заходит дальше нашего. У него есть одна или даже несколько теорий относительно произвольных сил, стоящих за случайностями. Мы говорим: это лишь случайность. Он же говорит о расчетливом произволе. Главный упор он делает на другие пятьдесят процентов происходящего в мире, то есть не на каузальные зависимости естественных наук, а на запутанные и непонятные пересечения цепей причинности, каковые принято именовать случайностями. Первобытный человек давно приспособился к природным закономерностям и потому боится могущества непредвиденной случайности, в коей усматривает произвол некоего деятеля, предусмотреть поступки которого невозможно. В этом он прав. Это вполне объяснимо и понятно, ибо все необычное вселяет в него страх. В местностях к югу от горы Элгон, где мне пришлось пробыть достаточно долго⁶⁸

⁶⁸ В 1925–1926 гг. автор предпринял «большую психологическую экспедицию» в Восточную Африку, чтобы пополнить на практике свои познания о «первобытной психологии» на примере «дикарей» Кении и Уганды. Гора Элгон расположена на границе Уганды и Кении. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.